

Владимир Поселягин

СЕЯТЕЛЬ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Владимир Геннадьевич Поселягин

Сеятель

Серия «Вечный», книга 3

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63765362

Владимир Поселягин. Вечный: Сеятель: Издательство АСТ ;

Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-134684-3

Аннотация

Оказаться вдруг неизвестно где – на чужой планете, в незнакомой обстановке, в другом времени. На каждом шагу – опасность и испытания на прочность. Каково это – быть игрушкой в руках Исследователя.

Но я знаю – я смогу, я выдержу.

Я должен!

Владимир Поселягин

Вечный: Сеятель

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 191

© Владимир Поселягин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Очнулся я от озноба, бившего все тело. Дело привычное, после уколов реакция на штаммы вирусов. Почти сразу скрипнула дверь, открываясь, и в камеру вошли трое: двое охранников и лаборант. Последний взял кровь, измерил температуру, записал что-то в принесенный журнал и удалился, забрав все приборы и аппаратуру, укатив их на столике перед собой.

Кстати, когда я тут загибался в своем родном теле, ко мне заходили трое охранников – я считался буйным после того как одному лаборанту порвал гортань и того не откачали. Тут двое, но это тоже для подростка много, одного обычно хватает, если что, лаборанты помогут, они все парни крепкие, как на подбор. Может, действительно подбирают? Значит,

паренек, в тело которого я попал, тоже был не подарок. Проверил память: так и есть, одному охраннику ударом ноги колено выбил. Неплохо, рад за него, но для побега это как раз плохо, может осложнить его. С двумя я еще справлюсь, даже в таком теле, с тремя уверенности уже нет.

Когда принесли пищу – судя по каше с рыбой, сейчас ужин, – я поел, чай выпил, бросив пластиковую одноразовую посуду через подвальное окошко, в мусорный мешок, который держал охранник. После этого умылся под умывальником – тут все монументальное, не оторвешь – и стал изучать себя. Зеркал в камерах не было, так что больше на ощупь. Что ж, опыт у меня немалый, тем более что когда жил с Май, моей вьетнамской принцессой, закончил в Аргентине медицинский университет, получив профессию полевого хирурга. И при этом я был офицером запаса.

Не раз приходилось свои навыки использовать, пока мы работали вдали от цивилизации. Так вот что я скажу, изучая себя: мне не больше пятнадцати лет, телосложение стройное, худощавое, может быть, даже слишком – думаю, что это от недоедания. Возможно, парнишка из неблагополучных, бродяга. Только вот зубы все на месте, и похоже, над ними работал опытный стоматолог, что не подтверждает мою версию. Никаких отметин я не нашел, разве что от местной исследовательской аппаратуры и уколов. Ни шрамов, ни ожогов. Волосы светлые (я вырвал клоч), на ощупь лицо правильное. В общем, зеркало нужно, но у меня точно славянская внеш-

ность.

Одет я был в специальный синий медицинский костюм для пациентов. Бирок или чего-то подобного не было. Костюм слегка не по размеру, великоват, но не страшно. Кроме синего костюма только тапочки. Даже белья не дали, сволочи. В принципе, тело мне досталось крепкое, мускулы чувствовались – думаю, парнишка не так давно активно спортом занимался. И судя по накачанным мышцам, он троеборец или просто бегун. Хотя верх тоже неплохо подготовлен, не только ноги.

Озноб уже прошел, хотя температура держалась. По этой причине я решил пока полежать. После ужина в сон тянуло, поэтому улегся на койке – она к стене намертво прикреплена была – и, завернувшись в одеяло, уснул. Я помню про побег. Но не время пока. Несмотря на то что я тут в родном теле провел четыре года, про лабораторию я практически ничего не знал. Знал лишь свою камеру, блок содержания, два коридора и исследовательский корпус, куда меня, пристегнутого к каталке, возили охранники. Это все. О том, где я нахожусь, лишь догадывался: радио, которое мельком слышал, говорило на литовском – значит в Литве. Меня даже привезли сюда в бессознательном виде. Съел обед в тюрьме, уснул, очнулся в камере у этих безумных ученых. Вот такая история.

Следующую неделю я готовился, занимался в камере, качался, давал проводить замеры. Я знал, что в течение двух

недель после ввода штамма меня будут только изучать, не более. Причем штамм не опасный, раз все без защитных костюмов были. Вот когда я находился в родном теле, мне два года кололи самые опасные штаммы, только в костюмах заходили, да и камера была оборудована, с вытяжкой и всем необходимым. А тут обычная комната. Ничего, привык, кормят хорошо, но из-за занятий все быстро пролетало, не в мясо шло, так что как был худощавым, так и остался.

А пока я готовился к побегу, размышлял. Охранников взять можно, не проблема, как я думал раньше, вот только вооружены те электрошокерами да дубинками – ничего огнестрельного и опасного. Однако я надеялся, что у меня будет повторный шанс, и если в первый раз не получится, то с его опытом продвинусь дальше, пока не вырвусь на свободу. Да не просто убегу, а освобожу всех пленников и подопытных, включая местного Федора. Тому, конечно, уже девяносто, но я имел право называть его по имени, несмотря на возраст.

Сидя на койке (как раз обед прошел, час назад всего), я расслышал шаги из-за двери: они эхом доносились. Это точно ко мне, время я чувствую отлично, а через час придут к несчастному в соседней камере. По пisku, что иногда доносился, похоже, что это женщина или девушка. А может и ребенок. Я пока готовился, пытался вступить в контакт с соседями. На голос примчались охранники, после нескольких ударов тока шуметь как-то расхотелось, так что перестуки-

вались. Сосед справа отвечает, а вот женщина слева нет. Или все же там ребенок?

Скрипнула открывшаяся дверь, вырывая меня из размышлений, и вошедшие охранники зафиксировали меня на койке. Не пристегивали, хотя с буйными именно так поступали: явно не ожидали опасности от подростка. Один стал в голове, другой в ногах, а к койке подкатили столик со всем необходимым. Все это было рутиной, это я давно заметил, даже охранники были расслаблены, не то что лаборант. Поэтому когда я схватил лежавший на столике зажим – к сожалению, кроме него вблизи ничего не было, – метнув в того, что стоял в ногах, это стало полной неожиданностью. Хотя лаборант и охранник в голове отреагировали с похвальной быстротой, но я все же оказался быстрее. Пока тот, что в ногах, оседал, острый конец зажима вошел ему в глаз и похоже достал до мозга, я перекувыркнулся через голову и ударами обеих ног ударил по подбородку второго охранника. Хотя тот успел схватить мои руки, но удары ногами пропустил и отлетел к стене, сползая в бессознательном состоянии.

Однако оставался лаборант. Тот прыгнул на меня, набирая воздуха в легкие – у них по инструкции в случае внештатной ситуации нужно сразу орать, чтобы на шум помощь подоспела, однако я и не пытался уйти от него. Наоборот, принял его на колени, которые успел поджать после удара, так что тот рухнул на них. Чую – пару ребер он сломал. Видимо, прыгнув, он хотел спеленать мне руки, удержав своим

тяжелым телом, и поорать, вызывая помощь, но я этого ожидал. Однако несмотря на повреждения, замысел свой он исполнил и руки схватил, разведя их на ширину плеч, и навалился на меня – ни вздохнуть, ни охнуть, еще и с поджатыми ногами оказался зафиксирован. Но пока хрипел, пытаясь отдышаться, чтобы заорать, я начал распрямлять ноги, дергая руки. И неожиданно освободил одну. Тот попытался снова ее схватить, однако я ударил костяшками кулака ему в висок. Вырубил. Ногой оттолкнул столик – он откатился, а я с некоторым трудом сбросил тушу лаборанта с себя и отдышался.

Адреналин так и пер, сердце готово вот-вот выскочить из груди, костюм насквозь мокрый от пота, но все же медлить я не стал. Времени, чтобы прийти в себя, выделил пять секунд и, встав, занялся делом. Теперь у меня полчаса, пока не поднимется тревога. Все замеры лаборанта занимали примерно это время. Так что, быстро осмотрев столик, я взял шнур от прибора и, отсоединив его, накинул удавку на второго охранника. Первый затих, хотя мелкая дрожь по телу ранее пробегала, но пульса нет, я проверил. Второй тоже задержался, помычал, но руками не шевелил – видимо, хорошо я его ногами приложил, не очнулся. Тут лаборант застонал и зашевелился. К счастью, охранника я уже додушил, так что, прыгнув на спину лаборанту, накинул удавку и стал душить и его тоже. Минуты две борьбы, я даже удивился продолжительности, пока не затих. Еще раз проверив, убедился, что все трое мертвы. Теперь по одежде. Ничего мне по размеру

не подходило, однако ботинки на высокой шнуровке у одного охранника были вполне впору. Всего на размер больше, сорок второй где-то. Также я позаимствовал штаны со множеством карманов – у бывшего хозяина кишечник не освободился, как у двух других, поэтому и снял, ремень застегнул с рацией, дубинкой, шокером и наручниками. Форма у охраны черная, мешковатая, военизированная, с надписями на спине и на груди. Дальше надел куртку, утонув в ней, кепку на голову и, осмотрев себя, вздохнул. За охранника меня не принять даже издалека. В коридоре камеры наблюдения, так что о побеге узнают быстро.

Я согнал складки назад, сунул сзади за ремень второй шокер, они в виде пистолетов были и, как я понял, выстреливали контакты на проводах и били противника током. Кстати, тут регулятор был, я поставил на максимальную мощность у обоих. После этого ключом, целая связка на ремне у одного была, открыл дверь камеры. Она изнутри запирается, что охранники и делали, запустив лаборанта, ну и выйдя наружу, запер дверь и уверенным шагом направился прочь от исследовательского корпуса. Охранники всегда с этой стороны подходили, значит, и комната, где сидит тот, кто наблюдает за картинками от камер наблюдения, тоже где-то тут. Пока все было тихо. Полный разворот плеч, козырек бейсболки скрывает лицо, шагаю уверенно. Подойдя к решетке, я открыл замок, закрыл решетчатую дверь, заперев ее. Сразу вторую такую же дверь открыл и закрыл за собой, и напра-

вился дальше по коридору, повернув за угол. Тут уже нормальные двери были. В этом месте бывать мне не доводилось: блок содержания и камеры с пациентами остались за спиной, а тут, видимо, служебные помещения. А на стене план эвакуации висел с отмеченными помещениями. Что интересно, камер содержания на нем нет, те места отмечены как подсобные помещения. Мельком глянув на него, отсчитав три двери справа по ходу движения, подошел и потянул за ручку. Закрыта. Тогда я постучался. К моему удивлению, раздался щелчок, потянул, и дверь открылась. Входя в комнату, доставая оба шокера, я уже понял, почему тревоги еще нет. Охранник, что должен был наблюдать за мониторами, сидел к ним спиной и ржал от шуток еще одного охранника, сидевшего на диване. А всего в помещении их трое было. Наблюдатель, тот, что на диване, и в открытой двери в соседнее помещение стоял и вытирал руки тряпицей еще один. Выстрелил я в этих двоих. Того, что в дверях, и в наблюдателя. Первый мог запереться в помещении, не достать, а рядом со вторым кнопка тревоги. Так что, используя шокеры – те тряслись от ударов тока, – я отшвырнул их и, выхватив дубинку, ударил по ногам тому, что ранее сидел на диване. Тот уже вскочил, доставая свое оружие. К моему удивлению, из кобуры показалась «Беретта», а не шокер.

Действовал я быстро – удар по ногам, а потом, под вскрик охранника (это болезненно, так резиновой дубинкой по коленям!), и по затылку. Тот повалился на пол замертво. По-

ка те двое дергались, я подскочил к третьему. Забрал из рук «Беретту», проверил, оружие боевое, не резиновые пули, бывший хозяин успел привести пистолет к бою, что и дало мне время, сменил на ремне кобуру шокера на ту, что для «Беретты», перекинул три чехла с магазинами для нее. После этого стал обыскивать охранников. Деньги и мелочевка. Заглянул в открытую дверь. В помещении только две двери было, в коридор и соседнюю комнату, которая оказалась арсеналом. Теперь понятно, почему первый охранник руки вытирал: он тут чистил оружие – на столе лежал автомат «МП-5». Незваных гостей я не опасался, дверь запиралась автоматически, и открыть ее мог только охранник за пультом. Что, кстати, тот и сделал, впуская меня. Думаю, он мельком глянул на монитор, увидел в форме своего и впустил. А может, и не смотрел. Тут, конечно, все строго, но не тюрьма. Хотя, на мой взгляд, тут даже хуже.

Я скинул куртку: наблюдатель был щедущий, и его униформа мне подошла. Тоже слегка великовата, но гораздо лучше. Далее я окопался в арсенале. Набивал магазины к пистолет-пулеметам, укладывал в подсумки, на себя подсумки и ременную систему накинул, на бедро кобуру с «Глоком». Хороший пистолет, он мне нравился. На другом бедре нож. Именно с помощью него я глотки всем трем охранникам и перерезал. Неплохо вооружился, только, на мой взгляд, арсенал слабоват – двадцать автоматов и столько же пистолетов. Для пациентов пойдет, но не для обороны.

Снарядил я два десятка магазинов, большую часть по многочисленным карманам распихал, прихватил пять автоматов и, покинув комнату охраны (у наблюдателя я забрал чип, чтобы открыть дверь снаружи, карточка такая), победжал обратно. Открыл обе решетчатые двери, не запирая их, и стал открывать камеры. Начал с камеры Федора. Она не сначала, но хотел начать с него. Кстати, я был серьезно так подготовлен. На голове каска, думаю кевлар, легкая. В комплекте с ней шел прибор ночного видения, я дожил в других жизнях до этих времен и интересовался подобными девайсами. Сейчас он отключен, но пригодится, если выключат свет. Бронежилет, разгрузка со множеством карманов, гарнитура к рации. Все в черном цвете. В общем, смотрелся как настоящий спецназовец.

Думаю, именно поэтому, когда я открыл дверь, распахнув ее, и стоял в дверях с автоматом наготове, местный Федор вытаращил на меня глаза, лежа на койке.

– Меня Матвеем зовут, – негромко сказал я. – Я подопытный из другой камеры. Убил лаборанта и пять охранников, вскрыл арсенал. Ты не против прогуляться к ученым и вернуть им все причитающееся?

Тот оскалился такой жуткой и злобной беззубой улыбкой, что даже я вздрогнул. В глазах плескалась настоящая злоба и ненависть. Однако, возраст! Встал осторожно и пошаркал ко мне. Когда я отдал ему один из пистолет-пулеметов, тот вцепился в него как утопающий за соломинку, с надеждой и

отчаянием. Передав также пару запасных магазинов и ключи другого охранника, запасной комплект, велел открывать остальные камеры, он справа от своей, я слева. Каждому, кто находился в камерах (они с обеих сторон были, всего тридцать две, пустых не было), сообщали, что готовимся к побегу. К сожалению, набрать боеспособных, считая меня с Федором, удалось девять человек. Остальные – старики, женщины и дети. Тревоги пока не было, хотя те полчаса, которые лаборант должен потратить, прошли. А ведь его ждут, чтобы сравнить данные с прошлыми днями. Все мы отправились в комнату охранника-наблюдателя. Большая часть вооружилась там из арсенала, разгрузки, каски, бронежилеты, рации, я настроил рации на одну волну, тут с шифровальными платами были, и мы направились к исследовательскому центру. Нас было одиннадцать, две женщины, вооружившись, присоединились к нам. Молодые и отчаянные.

Схему лаборатории, включая исследовательский корпус, мы уже изучили через камеры и компьютер, что был у наблюдателя. Добравшись до места, шедший впереди парень, бывший омовенец из Вильнюса, принявший сейчас командование, пристрелил охранника на входе. Использовал «Глок» с глушителем – несколько таких пистолетов в кейсах нашлось в арсенале, в ящиках шкафов. Там же рюкзаки-однодневки того же цвета, что и форма. Я рюкзак прибрал, как и два кейса с пистолетами, патронов отсыпал доверху. «Берету» убрал в рюкзак. Да, в кармашках разгрузки оставил две

светошумовые гранаты и еще шесть в рюкзаке. Также приметил зарядные устройства к рациям, штук пять на зарядке было, и взял одно адаптированное устройство, заряжаемое от сети или гнезда питания в машине. То есть возвращаться в арсенал я не планировал: сразу ноги сделаю. Хотя пленных выведем, не без этого.

Один из пленников освобождал охранника от униформы – никому в синих костюмах ходить не хотелось, а у того его размер был. А остальные четверо в черной форме, в масках, уверенно прошли по коридору к концу корпуса. Ученые-генетики на нас удивленно смотрели, трое встретились по дороге, однако ничего, дошли до поста, именно тут был выход, и омоновец пристрелил охранника уже здесь. Тот, кстати, был вооружен пистолетом и помповым ружьем. Вот это интересно: в арсенале их не было, хотя пустая стойка имелась, да и патроны были двенадцатого калибра.

Дальше действовали так. Трое от выхода начали зачищать помещения, но не захватывая медиков и ученых, а уничтожая их. Автоматы за спину, в руках пистолеты, работали тихо. Окон нет, помещения подвальные, так что оружие с глушителями было нам в помощь. Другие по сигналу (рации нам помогали) начали работать с другой стороны, двигаясь навстречу. Я же сел на место убитого охранника. Тут было три монитора, на них шли картинки с камер, что находились снаружи. Шесть камер на экране разделены на квадратики. Я видел заснеженный двор, заставленный легковы-

ми машинами, несколько микроавтобусов и два санитарных, будку охранника у ворот, там он и маячил. Ворота мощные, вбок уходят. В общем, в зачистке мне поучаствовать не дали: старшой, что взял командование на себя, довольно жестко указал мне на мое место – держать выход во двор.

– Парни, под столами смотрите. Эти крысы могут там прятаться.

Мой совет, что я дал в эфире, помог, троих нашли и застрелили. Хотя мне тоже повезло, из подсобки выскочили двое, я их и пристрелил, тоже из пистолета. Если уж работаем тихо, так тихо. Судя по растрепанному виду и наспех надетой одежде, те там явно не перекусывали. Спаривались, видимо. Ладно хоть разнополые были, а то знаю я американцев. Парня я впервые вижу, а вот девушка знакома – кажется, тоже ученый-генетик. Год как тут работает.

Зачистка заняла шесть минут, почти три десятка мы уничтожили. Разные ученые и их помощники. Повезло, день рабочий, все на рабочих местах были. Пациенты разгромили лаборатории к чертям, вымещая злобу. Разбивали все, что видели. Дальше, пока двое убежали привести остальных из арсенала, я передал пост омовцу, тот картинки с камер стал внимательно изучать, а сам направился к помещению, что находилось рядом. Это была раздевалка, где работники переодевались в униформу. Оно уже проверено было. Кстати, второй выход был у другого крыла, где арсенал находился, там же морг, поэтому решили прорываться тут.

– Ты куда? – тут же отреагировал омоновец.

Мы вообще все на нервах были, адреналин зашкаливал, так что резкий окрик заставил меня вздрогнуть. Однако остановившись и обернувшись, я сообщил:

– Тут раздевалка, одежда гражданская, деньги, ключи от машин. Я лично собираюсь свалить из Литвы, и средства мне нужны. Да и спасенных я бросать не намерен. Например, дед Федора я доставлю к его семье, это мой долг. Надеюсь, и другие так же поступят и возьмут на себя труд вернуть пострадавших родственникам. Если они у них есть.

– Добро.

Омоновец передал пост Федору, тот устало сел в кресло, и с остальными мы прошли в раздевалку. Стали вскрывать шкафчики, они не запирались, осматривать одежду, отбирать по размеру. Я с ходу заметил в одном из шкафчиков большую спортивную сумку с известным логотипом фирмы, изготавливавшей разную одежду и спортивные аксессуары, достал ее, вытряхнул содержимое. Спортивный костюм, пропахший потом, влажное полотенце, кроссовки в целлофановом пакете – в общем, ожидаемо, кто-то пробежками любил заниматься. В эту сумку я и стал складывать вещи. Нашел зимние кроссовки по размеру, сорок первый, сложил, туфли – должны Федору подойти. Костюм для него и пальто со шляпой. Все же на улице зима (я посмотрел дату на мобильнике одного из убитых: пятое декабря две тысячи тринадцатого года). Сами мобильники не брал, опасался, что от-

следят по ним. Для себя взял джинсы, рубаху и зимнюю пуховую куртку.

При этом обхлопывал всю одежду в поисках находок, деньги убирал в отдельный кармашек. Нашел ключ от автомобиля с брелоком сигнализации, на котором была эмблема «Мерседеса». Я на стоянке видел микроавтобус этой марки с затонированными стеклами, надеюсь, ключ от него, так что прибрал в карман. Тут и другие подошли, тоже собирать начали да сразу переодеваться. Для всех хватало. Дальше, пока те готовились, я вышел из раздевалки и передал одежду Федору. Тот, не стесняясь, разделся донага и стал одеваться в приготовленную одежду. Я так же поступил. А униформу убрал в сумку, как и оружие. Рюкзак, каску и бронежилет тоже. Да все. Деньги по карманам, за пояс пистолет, в кармане электронный ключ от машины.

Дальше двое в форме вышли и ликвидировали охранника в будке. Один зашел в будку, стал искать, как открыть ворота, а омоновец, собрав нас во дворе, сказал:

– Грузимся в эти две машины и прорываемся к границе с Россией. Кто не с нами, уходит самостоятельно.

Причину такого решения я понимал: омоновец офицер, он скачал все что можно с компьютеров, и двое, что разбирались в них, помогли ему с этим, и ему еще нужны были живые свидетели. Так что те грузились в два микроавтобуса, а мы с Федором, который решил ехать со мной, скрипя снегом, подошли к внедорожнику. К сожалению, когда я про-

верял пульт автосигнализации, пискнул не нужный мне автомобиль, а этот небольшой трехдверный внедорожник серебристого цвета. Сумку я закинул в багажник и, устроившись за рулем, вставил и провернул ключ. Машина промерзла, все же зима, декабрь, однако движок затарахтел сразу: похоже, дизель. Включив отопление, тут климат-контроль был, я стронул машину с места и, выехав следом за микроавтобусами наружу, покатыл не за ними, а свернул в другую сторону. Кстати, помповое ружье с поста я забрал, к нему всего десяток патронов с картечью был в подсумке.

– Что там увидел? – спросил Федор, крепко держа автомат, что лежал на коленях. У меня автомат между сиденьем и дверцей был, ружье с сумкой в багажнике. Сам я оборачивался, пока мы отъезжали от Центра, там пожар разгорался.

– Вывеска была. Представляешь, они и не прятались. Так и написано, что исследовательская лаборатория.

– Твари.

– Это да. Кстати, что это за город? Улочки узкие, старый город, но не узнаю.

– Я тоже. Похоже, мы в центр едем, вон ратушу видно, там и узнаем, – несколько нервно крутя головой, ответил Федор.

Я его понимал: столько лет провести в камерах, а тут открытое небо, в смысле затянутое низко висевшими облаками, похоже, вот-вот снег пойдет, люди вокруг, яркие вывески реклам. Ему нужно адаптироваться, да и здоровье его меня беспокоило, а ну как сердце откажет? Нет, мы, Палкины,

такие, все выдержим.

– Точно.

Я остановился, при этом скрывая лицо, и Федор со своей стороны поинтересовался у проходившей мимо женщины, что это за город. Оказалось, Утена.

– До границы меньше ста километров, – сообщил Федор. – Быстро доедем.

– Быстро, – согласился я. – Только у меня тут дела есть, отомстить той твари, из-за которой я к американцам в лабораторию попал.

– Хм, у меня тоже должок остался, – задумался тот. – В Вильнюсе живет гад. То есть двадцать лет назад жил, но вот где, не знаю. Можно уточнить у начальника тюрьмы, где я сидел раньше. Он должен знать. Тот в деревушке живет, а та рядом с тюрьмой, где меня содержали. По пути будет.

– Найдем, – обнадежил я. – Займемся твоим долгом, потом я передам тебя родственникам. Есть они?

– Сыновья.

– Вот им, и займусь своим должком.

– Хорошо.

У книжного магазина я остановился, купил автомобильный атлас Литвы и, ориентируясь по нему, покинул городок и по шоссе покатил в сторону Вильнюса. Через сорок километров в стороне от трассы показались стены тюрьмы, в прошлом замка, свернули на повороте, там и заехали в деревушку. Федор вышел вместе со мной.

Поспрашивав у прохожих, узнали, что у тюрьмы новый начальник, а прошлый вышел на пенсию. Проживает тут же в своем доме с женой. Навестили их, убили обоих, но нужный адрес узнали. Вернувшись на трассу, поехали дальше к столице. От транспорта нужно было избавиться, и я пока думал, как. В машине я нашел документы, записана она за американцем, но номера местные. Был бы его паспорт, без проблем продали бы на авторынке столицы, а так придется бросить. Жаль, деньги бы не помешали, по карманам я собрал мелочевку, американцы на картах все держат, на пару дней нам хватит, а дальше придется искать средства. А пока ехали и перекусывали (купили сэндвичи на бензоколонке и я полный бак залил), общались. Федор описывал мне ту гниду, которая его в тюрьме гнобила, из-за которой он и стал живым мертвецом. Официально старик мертв, и еще нужно доказать сыновьям, что он жив. Они ведь официальной версии верили.

До Вильнюса доехали благополучно. Желтая зимняя куртка придавала мне массивности, и со стороны я казался вполне взрослым. Хотя было жарко, пришлось убавить температуру в машине. Въехав в город, я покрутился по улочкам и, доехав до магазина, где продавали мобильные телефоны и сим-карты, припарковался на свободном месте. Оставил Федора в машине и прошел в магазин. Дальше все просто – дал сверху стодолларовую купюру, она одна нашлась среди тех денег, что я нашел, остальные евро, и сотрудник продал

мне два телефона и две сим-карты, зарегистрированные на левого человека. Роуминг подключен. Я сразу по двадцать евро на счета положил. Долго пользоваться ими я не планировал. Автозарядку взял. Телефоны простенькие, одинаковые. Присмотрев аптеку рядом, купил сердечные лекарства для Федора.

Вернувшись в машину, поставил одну мобилу на зарядку – сим-карты уже внутри телефонов были – и протянул другую трубку Федору.

– Телефоны сыновей я не помню, – вздохнув, признался тот.

– Ничего, найдем. А теперь показывай адрес своего недруга.

Я и сам его помнил смутно, столько времени прошло для меня, но Федор вел довольно уверенно, хотя постоянно говорил, что город сильно изменился – много новых построек, многоэтажных домов.

По пути мы остановились у небольшого рынка, где, заперев машину, прогулялись. Одежда на голое тело это некомфортно, так что приобрели по два комплекта утепленного нательного белья. И еще сумку спортивную для Федора, а то ему вещи хранить было негде. Припасов купили, долгого хранения, целый пакет. Потом по очереди на заднем сиденье машины переоделись. Тонировка, никто не видел. Стало гораздо лучше. Уже стемнело, вечер, но найти нужный дом смогли. Небольшой дом сталинской постройки, с одним

подъездом. Консьержа не было, в подъезд мы смогли пройти за одним из местных жильцов. Дальше подошли к нужной квартире на втором этаже, и я позвонил. За спинами мы прятали пистолеты с глушителями.

– Кто там? – слышали мы из-за двери.

Я назвал нужного человека, и дверь, щелкнув замками, отворилась.

– Вам нужен отец? – спросил парень лет тридцати.

Я тут же ударил его ногой в грудь, отчего тот улетел в глубь прихожей, и пустил дальше Федора. Знаю, что и я имею полное право карать, но тут его месть. Он, войдя, выстрелил дважды в грудь лежавшему парню и направился дальше, заглядывая в комнаты и стреляя. Я страховал его на лестничной площадке. Он нашел нашего знакомого, слышалось бормотание из комнаты, потом два хлопка, и тот вернулся. Мы спустились вниз, вышли на улицу, машина стояла на парковке ближайшего супермаркета, и, сев в машину, покатали к выезду из города. А Федор все молчал, находясь в мыслях где-то далеко.

– Так тяжело было? – спросил я, на ходу доставая лекарства и посоветовав положить таблетку под язык.

– А? – очнулся тот, потом тряхнул головой. – Нет. В доме дети были. Не смог я их. Хозяина, жену его, невестку и сына убил, а внуков не смог. Рука не поднялась.

– У каждого человека есть тот предел, та черта, которую переступать нельзя. У меня это убийство детей. Ты молодец,

дед.

– Да что ты понимаешь парень? – вздохнул тот. – Я себе поклялся, что изведу это семя, если смогу, а мог и не сделал.

– Да, тут дело сложное. Хотя идея есть. Ты вот что, передай внукам или детям, чтобы дождались, когда те станут взрослыми, сам-то ты точно не доживешь, и пусть закончат начатое.

– Хм, я подумаю, спасибо за идею.

– Всегда пожалуйста. Кстати, за нами полицейская машина с проблесковыми маячками едет: похоже, я скорость превысил, отвлекся. Ну вот, просят остановиться.

– Отобьемся, – уверенно сообщил Федор, поглаживая автомат.

– Тоже так думаю. Трасса ночная, но машин хватает, хотелось бы без свидетелей обойтись, – сказал я, притормаживая и съезжая на обочину. Тут грейдеры ходили, она очищена от снега.

Причмокнув, тот еще гонял под языком таблетку, никак рассосать не мог, Федор сказал:

– Давай сначала ты выйдешь, потом я, поддержу тебя.

– Не стоит. Я их в зеркало заднего вида вижу. Встали за нами. Вышли оба. Сам справлюсь.

– Хорошо.

Я вышел из машины и, держа пистолет за спиной, как только мимо пролетела фура, резко выхватил оружие и выстрелил сначала по одному, второй, шустрый, перекатом

успел уйти в сторону, но тут все открыто, а от пули не убежишь. Быстро все произошло, первый лишь вопрос успел какой-то на литовском задать, и все.

Я проверил оба тела, забрал оружие у второго из руки – он его выхватить успел, но не привести к бою. Это оказались такие же «Глок-17», как и у меня. Снял ремни с рациями, наручниками и запасными магазинами, убрал в багажник. В полицейской машине выключил проблесковые маячки, обыскал, забрал зарядные устройства от раций, сломал прибор, что вел запись по ходу движения машины, после этого вернулся в свой внедорожник, и мы погнали дальше. В полночь смогли, объехав пограничный пост прямо по целине, проехать границу и уйти от латвийских пограничников, хотя о пересечении границы те явно доложили, и погнали дальше, уже по Латвии, а не по Литве.

– От машины избавляться нужно, засвечена и в Литве, и тут, – сказал я, сворачивая на проселочную дорогу. – Наверняка план-перехват объявили. Найдут машину быстро.

– Значит, избавимся.

– Хорошо, сейчас до трассы доедем, там я вас высажу с вещами, отгоню машину и будем ловить попутку или автобус. Должны же тут рейсовые автобусы проходить.

– Добро.

Так мы и сделали, я высадил деда на обочине, а сам отогнал машину в сторону. Тут по карте автодорог речка рядом, я спустился на лед и стал монтировкой рубить его под пе-

редком. Удалось прорубить, и, хрустнув, машина колесами провалилась в воду, только тонуть не спешила, пришлось рубить крепкий лед дальше. Полчаса работы, и машина, булькая, стала уходить под воду. Я открыл окна, чтобы облегчить это дело. Надеюсь, глубины хватит. Прихватив монтировку с собой, мало ли пригодится, я побежал обратно.

Как раз успел: Федор остановил автобус, и вещи уже грузили в багажный отсек. Подбежав, я оплатил два билета до Риги, и мы, устроившись на свободных местах, покатались дальше. Устали оба так, что забылись в тревожном сне, а через два часа нас разбудили. Приехали. Там сошли на автовокзале, автобус был международный, ехал из Польши – как я понял, водитель подкалымил.

Груженные сумками, мы отправились на поиски гостиницы. Нашли ее в порту, сняли двухместный номер, чуть доплатив портье, чтобы не спрашивал документы. Дальше душ, и спать. Оружие, если что, под рукой.

Утром, позавтракав в кафе – я заказал яичницу с колбасой и стакан молока, а Федор зеркально повторил мой заказ, – мы вернулись в номер. Там Федор и спросил:

– Что делать будем? Честно сказать, твоей смекалкой я доволен. Рад за нашу молодежь. Не за всех – те, кто развалил нашу страну ничего, кроме ненависти, не вызывают. Но ты не такой, ты заставляешь гордиться тобой.

– Спасибо. Что касается планов, то я договорился с пор-

ть, что воспользуюсь его компьютером, поищу адреса и телефоны ваших сыновей. Вы мне их контакты дайте, я все сделаю.

Все действительно удалось: и телефоны найти, пусть и рабочий младшего сына, и созвониться, и договориться, что старший сын приедет и заберет отца. Убедить их, что отец у них жив, удалось не сразу, но рассказы об их детстве помогли: наконец поверили.

Кстати, по телевидению показывали скандал. Наши освобожденные прорвались через границу в Белоруссию. Попали в руки КГБ, а там быстро слили информацию на телевидение, чтобы американцы не замели следы. Дальше бывшие подопытные давали интервью. Россия в травлю Литвы и США тоже включилась, доказательств хватало, чтобы поднять такой шум.

О том, что он тоже через все это прошел, сыновьям сообщил сам Федор. Как они перевезут отца через границу, я тогда не знал, узнал только через неделю. Мы уже покинули гостиницу, сняли квартиру, там нас и нашли оба сына. Оказалось, мотодельтаплан будет ждать у границы, на нем и перевезут воздухом, а сыновья по загранпаспортам границу пересекут. Так что мы обнялись, прощаясь, и они отбыли. Я так и не сказал Федору, кто я: не хотелось, тот и так глотал сердечное пачками.

Сам я, следующей же ночью, угнав машину, покатыл обратно в Литву. Есть дело. Хочу ограбить там банк, пусть Лит-

ва заплатит за все то, что со мной происходило в родном теле, а потом отправлюсь в какую-нибудь страну. Белоруссия нравится, а может, на Украину рвану, буду бандеровцев убивать, вполне нравится идея. Устроюсь в западных областях, там они не скрываются, вон, даже на гербе трезубец, и буду душу отводить. Неужели не найдутся нормальные люди, что достанут пулемет и, когда начнется очередной марш нацистов или эсэсовцев, расстреляют их, уничтожив как можно больше? Неужели не осталось настоящих людей? Похоже, кроме меня и не осталось...

Пока же я хочу вернуться в тот городок, где находилась лаборатория, покрутиться вокруг – мало ли, вдруг из-за этой шумихи появится кто-то из руководителей. Прихвачу его, выясню, кому это учреждение принадлежало, и начну проводить акты уничтожения хозяев.

Машина была внедорожной, старый уазик. Я пересек границу – тут ее вообще слабо охраняли, это нам с Федором просто не повезло на патруль наткнуться – и, выехав на трассу, покатил дальше, пока не доехал за остаток ночи до нужного городка. Там бросил машину на окраине, смог снять квартирку у пожилой русскоговорящей женщины. Кстати, на последние деньги снял, за неделю уплатил. Я в Риге гардероб сменил, все по размеру купил, да и вообще трат хватало. Это Федор отправился в Россию с родными, а мне тут еще работать, так что добыча средств уже стояла на первом месте.

Разложил вещи и продукты, которые мы купили с Федо-

ром в Вильнюсе, но так и не использовали, питаюсь по кафешкам. Дня на три хватит. Поужинал, хотя снаружи уже давно рассвело, и, заперев квартиру, вышел на улицу. Тут пурга началась, видимость не дальше пяти метров. Неплохо, скроет меня. Карта города при мне, так что, сориентировавшись, добрался до района, где была лаборатория. Здание сгорело, но там до сих пор все было перекрыто, стояли полицейские оградители, ленты натянуты. Ко мне выскочил полицейский, который грелся сидя в машине, и сообщил, что дальше запретная зона, мол, работают полицейские эксперты и специалисты из Интерпола. Покивав и извинившись, я отошел и направился прочь. Мне нужен начальник полиции города: если от кого я и получу нужные сведения, то только от него.

Умело задавая правильные вопросы прохожим, я вскоре добрался до особняка, что принадлежал главному полицейскому в городе. Опросил семерых, двое меня послали, назвав москалем, четверо не знали, а последний и сообщил, где он проживал. Вот и все. Отговаривался чепухой, где курьером представлялся, где дальним родственником, чтобы не зацикливались на вопросах. Через соседей я перелез через забор и, добежав до входа в особняк, осмотревшись, попытался открыть дверь. Заперта. Я перебрался к черному входу и попробовал там: тоже закрыто. Ладно, подождем.

Ждать пришлось почти час, пока дверь черного входа не щелкнула замком и не стала открываться. Вышла женщина в

форме прислуги и накинутаю сверху зимней куртке. В руках черный мусорный полиэтиленовый пакет. Камеры наблюдения у особняка были, держали внешний периметр под контролем, однако пурга и соседский забор позволили мне оказаться на территории, оставаясь незамеченным. Подскочив к женщине сзади, я вырубил ее, ударив рукояткой пистолета по затылку: капюшон не спас ее, и она молча повалилась. Проверив пульс, я подхватил женщину под мышки и волоком потащил обратно к двери.

За дверью был небольшой коридор, а дальше, видимо, кухня – запахи очень ароматные доносились. Проверив пару соседних помещений, я нашел пустую кладовку для хозяйственного инвентаря и, затащив женщину внутрь, скотчем, что нашел тут же, замотал ей руки и ноги. Также кусок ленты на губы, чтобы не подала голос. Дверь я запер, брошенный мешок снаружи остался, но меня это не волновало. Я разделся, снял верхнюю одежду, оставив вещи в другой комнате, тут припасы были складированы на полках и никого, ну и, поправив маску на голове, ту самую, с прорезями, бронежилет был на груди, разгрузка с магазинами, автомат на плече, но главное, пистолет с глушителем. Дальше я пробежался и, вырубив горничную, что убиралась в спальне, тоже связал ее скотчем, потом и хозяйку. Больше в доме никого не было. Только снаружи у ворот находилась будка с охранником, тот отслеживал ситуацию с помощью камер видеонаблюдения.

Убедившись, что в особняке больше никого нет, я посе-

тил и будку. Охранника убил. Сидел тот уж больно неудобно для меня, пришлось дистанционно с ним расправляться. После этого, сложив в найденную сумку патроны и укороченное помповое ружье, рацию, зарядник – в общем, все ценное, – я вернулся в дом и, приведя хозяйку в чувство, стал допрашивать. Она быстро выдала код к сейфу в кабинете хозяина, даже не ударил ни разу. Очень испугана была. В сейфе кроме множества документов было сто тысяч долларов в пачках, видимо, хозяин за что-то недавно получил, может аванс? Еще тысяч пять евро. Прибрал все. Пистолет, старый макаров, но почти сотня патронов к нему и два запасных магазина. Потом вскрыл оружейный сейф – сигнализации тут не было, я проверил – и стал набивать сумку патронами. Тут даже АКС был, забрал его, а также нарезной карабин с оптическим прицелом, патроны, подсумки... В другую сумку сложил припасы, найденные в холодильнике и кладовке. Обе сумки отнес в будку охранника, ну и, сбросив его тело с сиденья, занял освободившееся место, положив ноги на стол, и стал ожидать приезда хозяина особняка, поглядывая на мониторы. Тот, как сообщила хозяйка, на взводе постоянно был – все же такие события международного уровня происходят, шум в телеэфире и интернете и не думал стихать, – но к обеду обещал быть. К двенадцати действительно подъехала служебная машина. Ее покинул полный мужчина в форме, прошел через калитку, которую я открыл и тут же закрыл с пульта, дистанционно.

Покинув будку и ткнув мужчину стволом пистолета в спину, я сказал по-английски:

– Добрый день, мистер главный полицейский. Доставайте оружие, и без шуток.

Тот достал из скрытой кобуры на поясе небольшой пистолет (это оказался хорошо знакомый «вальтер» скрытого ношения), передал мне, и мы молча дошли до особняка, по тропинке, которую почти замело.

– Моя жена, она жива? – наконец спросил он, когда мы оказались в доме.

Кстати, пахло немного пригорелым с кухни, я слажал, не сразу плиту выключил, вот и сгорело что-то.

– Жива. Пока.

Дальше забрал у него телефон и другие средства связи, аж три телефона было и небольшой планшет. Забрал запасной магазин к пистолету, обыскал, руки сзади перед этим скотчем связал, и мы прошли в его кабинет. Дальше описывать не буду, но ломал я его жестко. Не раз дикий крик боли разносился по комнатам особняка. Не зря ломал, многое узнал. И да, это он прикрывал лабораторию со своей стороны, находясь на зарплате у американцев. Ну и где находится его куратор, тоже сообщил. Он к нему каждый день ездил с докладами по ситуации в городе, как на работу. А сто тысяч долларов тот получил не от них, это местные предприниматели скинулись, взятка, а деньги от американцев он получал на счет в Цюрихе. Кстати, номерной, деньги сможет получить

тот, кто знает код. Естественно, я его получил, был записан в блокноте, что хранился в сейфе. Ранее я на него внимания не обратил, а тут забрал. Теперь точно пригодится. Пристрелив главного полицейского, в особняке я с допросом задержался на полчаса, мне этого времени хватило, прихватил сумки из будки охранника и, покинув территорию, направился прочь от дома.

Отойдя к соседнему кварталу, по мобильному вызвал на адрес первого попавшегося дома такси и, сделав вид, что вышел с территории, сложив вещи в багажник, покатил к дому, рядом с которым я снимал квартиру. Следы путал. Там пешком дошел до нужного многоквартирного дома, сумки положил в шкаф в спальне и, не раздеваясь, снова покинул квартиру – мне нельзя время терять, несмотря на усталость.

Направился к отелю, где снимал номер нужный мне господин. Кстати, звали его мистер Гольдштейн.

По пути заглянув в продовольственный магазин, купил банку энергетика, а то сплю на ходу. Вторые сутки к концу подходят, сколько я не спал. Кстати, энергетик заметно помог. Понимаю, что вредно, но надо. Добравшись до отеля, я прошел внутрь, на меня никто не обращал внимания, хотя для городка он единственный такого уровня. Поднявшись на второй этаж, какой номер – я знал, постучался.

– Кто там? – на английском спросили из-за двери. Глазка тут не было.

Ответил я на русском:

– Извините, не понимаю. Я курьер. Меня просил передавать вам пакет главный полицейский Утены.

Тут щелкнул замок, и когда дверь открылась, я резко ударил хозяина номера ботинком в живот, отчего он отлетел назад. Я и свой вес в удар вложил, так что сильный получился. Влетев в номер и захлопнув дверь за собой – к счастью, коридор был пуст и обошлось без свидетелей, – я тут же стал стрелять. Постоялец в номере был не один, за столом сидели еще двое. Они вскочили, но, получив по паре пуль в грудь, упали на пол. Я же, подскочив к хозяину, вырубил его электрошокером контактного действия (трофей из дома начальника местной полиции), дальше обыскал соседние помещения, спальню и санузел и связал скотчем пленного. После этого занялся обыском номера. Дверь, кстати, я запер.

Находок было немало. Например, в чемодане постояльца было пятьдесят тысяч евро и примерно столько же долларов. Скорее всего, наличка для подкупа. Один из гостей имел удостоверение агента ЦРУ, у второго обычные документы, оба американцы. Оружие, пистолет «Глок», был только у цэрэушника. Все трофеи, включая мелочевку по карманам, я прибрал. У меня рюкзачок с собой был, подростковый, за спиной висел, в него все и прибрал.

Дальше привел Гольдштейна в чувство и стал допрашивать. Да, прямо в номере, только затыкал, чтобы не орал. Не скажу, что он особо крепкий был, но повозиться пришлось. Всю полученную информацию я записывал в блокнот. По-

том пристрелил постояльца и, покинув номер, спокойно вышел на улицу, и пешком, проверяя, нет ли слежки, добрался до автостоянки. Я ее заранее приметил. Угнал старые жигули девятой модели: более современные машины я вряд ли смог бы угнать, а тут отверткой все сделал. Добрался на машине до квартиры, там перенес вещи в машину и, покинув городок, отправился в Вильнюс. Добрался до столицы Литвы и подъехал к нужному дому (я по телефону смог забронировать аренду квартиры). Заселился, уплатив за неделю, машину отогнал подальше, бросив на стоянке у гипермаркета, принял душ и вскоре забылся беспокойным, но на удивление крепким сном.

Ажиотаж из-за убийства главного полицейского и тех троих в отеле поднялся серьезный. По телеканалам Литвы только об этом и трубили. Все перекрыто, проверяют на каждом шагу, но меня это не волновало. Все это было в Утене, а я находился в Вильнюсе. Тут спокойно было, хотя полицейских патрулей раза в два больше стало.

Сам я неделю жил на квартире, разрабатывал план, как покинуть Литву. В принципе он готов, у меня три большие плотно набитые сумки, рюкзак и чемодан, со всем этим багажом нужно покинуть эту не самую приятную страну. Я собирался угнать легкий одномоторный самолет с частного аэродрома, вот и подготавливался. Параллельно размышлял, что буду делать дальше. Допрос куратора по делу об уничтоже-

нии лаборатории дал немало пищи для размышлений. Лаборатория принадлежала частной крупной фармацевтической компании, но выполняла заказ ЦРУ. Гольдштейн знал хозяев корпорации и куратора от ЦРУ, кстати, это его я в номере и пристрелил. В общем, моя задача, которую я поставил сам себе, уничтожить вместе с семьями всех четырех владельцев, директора корпорации и совет директоров в количестве восемнадцати голов. Их всех поименно пленник не знал, но дал данные того, кто выдаст всю нужную информацию. Так что один из хозяев и был моей первой целью. Главное из Литвы убраться. Отмечу только, что тот, кто мне нужен, проживал в Швейцарии, у него особняк был в Альпах. Там этот человек и обитал, причем безвылазно – не любил людей, только семья с ним жила и прислуга. Беспокоила охрана, очень уж та хороша. Как режимный объект. Но ничего, я что-нибудь придумаю.

Угнать самолет удалось без особых проблем. Это была классическая «Сессна-172», у меня такие не раз бывали в прошлых жизнях, дальность полета тысяча двести километров, небольшая, но убраться из Литвы вполне возможно. Я вырубил ночью охрану, шокер пригодился, заправил машину, закинул вещи внутрь и, поднявшись в воздух, ночью полетел к границе Литвы и Польши. Прибор ночного видения отлично мне помогал. Пересек границу и летел, пока топливо не подошло к концу. До границы Польши и Чехии добрался благополучно, пересек ее и тут же пошел на посадку. Все,

топливо подошло к концу. Спрятал самолет удачно, под лед лесного озера, прорубил его топориком и утопил машину.

Дальше сложил багаж на туристские санки, что купил в Вильнюсе, и отправился прочь. Тут до Праги меньше пятидесяти километров было, надеялся добраться. Однако снегопад, начавшийся уже в десять часов утра, поставил крест на затее. В туристском магазине я не только санки приобрел, но и хорошую двухместную палатку, коврики для утепления, надувной матрас и, главное, спальный мешок. Все это развернул, на костре приготовил ужин, так как припасы с собой были, и вскоре, забравшись в палатку, уснул, завернувшись в отличный спальник. Верхнюю одежду и обувь снял, шерстяные носки на ногах, не замерз, отлично выспался. А ведь снаружи было минус пятнадцать.

Путь мой до небольшого городка Бриг в Швейцарии, у подножия Альп, занял почти две недели. Знаете, они прошли не зря. Лаборатория, побег, а потом остальные дела прошли для меня так, как будто я был зрителем, сидевшим у экрана телевизора – ноль эмоций. А тут путешествие, где автостопом, а где и на своих двоих – лыжи я тоже купил. Это дало мне то, что мне было так необходимо – дух свободы, – и пружина напряжения, скрученная до предела у меня в душе, наконец распрямилась.

Как я упивался этой свободой последнюю неделю пути, пока не добрался до места!

После этого смог достать хозяина поместья с защищенных территорий. Я тяжело поломал его внука, сбив на угнанной машине, и когда тот примчался в больницу с двумя телохранителями, убил их, а этого говнюка увез к границе с Францией, там и допросил. Долго, почти двое суток допрос шел. Умирал он страшно, ведь именно эта тварь и была инициатором подобных исследований. Жаль, до тех из его семьи, кто в поместье спрятался, не добраться. Главное, информация по остальным есть, будем работать.

Почти три года мне потребовалось, чтобы ликвидировать всех. Ох, как их охраняли, какие ловушки и засады на меня устраивали, когда поняли, кто моя цель! Однако свою задачу я выполнил. Всех хозяев корпорации, их семьи, совет директоров, шестерых сотрудников ЦРУ я ликвидировал. Семьи ученых, работавших в лаборатории, я тоже навестил. Причем в интернете блог открыл, где и описывал, за что убивал конкретных людей, выкладывая фотографии или видеозаписи их ликвидаций. Шуму это наделало не меньше, чем история с лабораторией и побегом подопытных.

Да, с Федором я контакт держал, пока он не умер. Год назад, я был на похоронах. Похоронили в Москве на Новодевичьем. Федору после того побега указом президента дали орден героя России. Его удостоены были еще семеро из тех, кто в Россию вернулся.

Однако, как я ни скрывался, как бы ни действовал, ме-

ня все же вычислили. Помню дорогу в Неваде, горевшую на обочине машину, откуда раздавались выстрелы рвущихся в огне патронов, и себя, истекавшего кровью рядом в рывине; рядом автомат, в котором осталось с десятков патронов, пистолет с двумя магазинами, и трупы врагов вокруг.

Спецназ ФБР меня брал. Хотели живьем, и снайпер подстрелил руку и ногу. Уже не смогу уйти, я это понимал, поэтому один патрон оставил для себя. Теперь, зная, кто виноват, думаю, со второй попытки сделаю все куда лучше и с подстраховкой, чтобы меня не нашли, как это произошло сейчас. К слову, все деньги со счета начальника полиции Утены, что он хранил в Цюрихе, почти три миллиона евро, я передал защитникам Донбасса. Им нужнее. Война на Украине стала для меня большим сюрпризом – ранее никогда о подобном не слышал, хотя однажды до две тысячи тридцать второго дожил. Но я не участвовал, своя цель имелась.

Заметив движение, я выпустил по двум фигурам остатки магазина из автомата, сбив с ног одного спецназовца, второй успел укрыться. И, отшвырнув автомат, который верой и правдой служил мне все это время, достал пистолет и стал стрелять по подранкам, что стонали неподалеку, истекая кровью. Последний патрон, как и хотел, оставил себе, но не потребовалось. Снайпер, видимо, получил приказ от командиров, смог достать меня, он находился вне зоны дальности моего оружия. Пуля попала в грудь. Бронежилет не удержал, и, захлебываясь кровью, я пытался поднять писто-

лет и застрелиться – там остался один патрон – и не смог, пока не навалилась темная мгла. Я был доволен, с десятков спецназовцев уничтожил, уже неплохо. Ну, здравствуй, лаборатория и уроды-ученые!

* * *

Неизвестное пространство, неизвестное время

Открыв глаза, я попытался задержаться и понял, что ничего не могу: тела у меня нет, глаз тоже, вокруг мгла. Паники особо не было, я держал себя в руках. Образно говоря. Что было со мной?

– Это изнанка мира, – вдруг сказал кто-то довольно приятным баритоном. К людям с таким голосом интуитивно чувствуешь доверие. Я сам учился так говорить, и должен сказать, что успехи были средненькими.

– Я так понимаю, вы тот, кто устроил мне эту чехарду с множеством жизней?

– А ты недоволен?

– Знаете, вот так сразу ответить я вам не могу. За Первую мировую и за месть работникам и хозяевам той исследовательской лаборатории скажу спасибо. Хотя и за остальное тоже спасибо, жизни были интересные, опыт не всегда был приятный, но исключал будущие ошибки.

– Все же вы, Федор, часто наступали на те же грабли, но под другим углом. Опыт не мешал вам совершать те же

ошибки.

– Согласен. Я человек, нам свойственно их совершать, иначе я был бы бездушной машиной, – был мой ответ. Чуть помедлив, я спросил: – Вы снова что-то от меня хотите или просто пообщаться решили? Я этого долго ждал.

– Сложный вопрос. Мне не свойственно такое чувство, как благодарность, хотя с твоих слов меня вполне можно назвать бездушной машиной. Однако я хочу отблагодарить.

– Ты Творец? – прямо спросил я.

– Ты о Создателе?

– Если это он создал Землю, то да.

– Да, это он. Нет, я не Создатель, и даже не его брат Творец. Я творение Создателя, его дитя, имеющее возможности создавать историю.

– Вопрос можно?

– Задавай.

– Те миры и жизни, в которых я бывал – это один мир в разных вариациях или параллельные миры? Вообще было ли все это и не является ли плодом моего воображения?

– Воображение у тебя действительно богатое. Это были параллельные миры. Я учился работать с артефактом переселения душ, ты и был моим подопытным, а пока ты жил, воевал, любил, я проводил наблюдение. Исследовал, как приживалась твоя душа к разным телам... Хм, ты не мог бы думать не так громко? Я не вивисектор. Я Исследователь. Такое мое имя в изнанке мира. Это мой дом, который я нико-

гда не покидал. Только возможность наблюдать за жизнями людей позволила мне понимать твои эмоции, стремления и желания. А так у нас разное мироощущение, они не совпадают. Я уже говорил про благодарность. Я закончил исследования и хочу поблагодарить тебя. Переселю в того, в кого скажешь, но запомни, это твоя заключительная жизнь, и как она пройдет, будет зависеть только от тебя.

– Хм, может, стать Гарри Поттером или попасть в «Мир лишних» Круза? – вслух задумался я.

– Я тоже люблю читать подобное чтиво, у меня есть доступ к интернету во всех мирах, где он имеется. Нет, только существующие миры, а не сказки.

– Жаль, когда я мстил владельцам фармацевтической корпорации и там еще год отдыхал на борту яхты, то серьезно подсел на эти книги.

– Не проси Вторую мировую войну. В одном мире оказалось сорок семь тысяч двести шесть подготовленных попандцев. Все в западных областях СССР у границы в день начала войны. Представляешь, что было?

– Они запинали немцев до Берлина? Война за пару месяцев закончилась? Гитлер застрелился фаллоимитатором?

– Тот мир схлопнулся, – с явными хмурыми нотками в голосе ответил Исследователь. – По изнанке мира большая волна от гибели стольких живых существ прошла. Только недавно все успокоилось.

– Спасибо за существо. Значит, только Земля? Никаких

космических цивилизаций или миров магии?

– Тебе это зачем? – явно удивленно спросил Исследователь.

– Да так, выясняю возможности.

– Забудь.

– Ну, хотя бы какие-нибудь магические способности... Должен же у меня какой бонус быть? И вообще, что ты там про благодарность говорил?

– Знаешь, я только сейчас понял выражение «сел на шею и ноги свесил». Сейчас найду адекватный ответ... Ага, вот он. У тебя там ничего не треснет? С таким опытом разных жизней ты сам один сплошной бонус.

– Умеешь ты надежды обломать. Ладно. Я желаю...

– Выполняю.

– Эй, я же не озвучил еще желани...

На этом меня куда-то понесло, я лишь мысленно выругался, тоже хочу мысли уметь читать. А после чего так приложило, что окончательно вырубился. А я ведь сам желание до конца не успел сформировать, чего именно хочу и в каком времени оказаться.

* * *

Просыпаться было тяжело. Да и состояние очень плохое. Так, что там было? Был какой-то бред с аватаром бога, что себя Исследователем называл. Я там изрядно повеселился,

не особо веря в свои галлюцинации. Так что же происходит? Хм, кажется, тело начинаю чувствовать... От чего так плохо? Или все же встреча с Исследователем была на самом деле? Что я там загадал? Отправить в конец семидесятых в какого-нибудь умирающего мальчишку, проживающего в Советском Союзе, которого мое вселение вылечит, не хочу лишать жизни ребенка. Возраст десять лет. Раз это последняя дарованная жизнь, то стоит взять больше. Не младенец, конечно, но такой возраст вполне подходит. Еще и намек дал по сверхспособностям, по чтению мыслей. Я изучал по интернету историю России, и то, что творили с нашими соотечественниками в разных республиках при развале Союза, мне сильно не понравилось. Я как раз взрослым буду к тем временам, вот и решил поработать там. Пулеметами.

Тут мне хватило сил открыть глаза, и я посмотрел на беленую деревенскую печь. Большую, на таких еще спали. Емеля на подобной катался по щучьему велению и его хотению. Такие печи можно найти в деревнях, так что я не удивился. Сам я, точнее мое новое тело, а я теперь уверен, что у меня новое тело, лежал на боку, накрытый теплым одеялом. Было жарко, меня то в жар, то в озноб бросало. Похоже, парнишка, в которого я вселился, лихорадкой болел. Похоже что-то гриппозное, воспалительное. Только вот почему же так болит спина? Аж жжется.

Долго ждать не пришлось: раздался скрип где-то за окош-ком, где, не видел, поднять или повернуть голову я не мог.

Судя по скрипу наста и жарко натопленной печи, сейчас зима. Вот уже послышался шум в сених, и, скрипнув, отворилась дверь. После этого неизвестный хозяин громко захлопнул ее, чтобы плотнее было, не выпуская тепло. Хм, не хозяин, а хозяйка. Старушка, сняв тулуп, повесила его на оленьи рога, которые выполняли роль вешалки, и, поставив чугунок на лавку у печи, внимательно на меня посмотрела. А увидев, что я также ее не без интереса изучаю, особенно одежду, необычная, что-то в ней не так, та спросила:

– Очнулся, Михась? Думала, уже не сдюжишь, сильно тебя господский сынок исстегал.

– Не советское время, – пробормотал я и спросил: – Ты кто? И кто я?

Почему-то воспоминания о прошлой жизни паренька так и не проявились. Обычно это занимает не более получаса, а тут почти полтора прошло, пока старушка не появилась, но никаких воспоминаний. Даже если меня отправил сюда Исследователь, то и читать мысли я не умею. Пытался, пока старушка на меня смотрела, явно что-то обдумывая, и ничего. Значит, никаких сверхспособностей. Что ж, жил без них, и дальше проживу. Надеюсь. Осталось выяснить, где я и в чье тело попал. То, что не дворянин, точно, раз меня исстегал какой-то «господский сынок». Старушка у чугунка возилась, поэтому на мои вопросы, подскочив, обернулась и уточнила:

– Совсем памяти лишился?

– Ничего не помню, – подтвердил я.

– Говоришь ты странно, и никогда я не видела у ребенка взгляда старика, прожившего большую жизнь.

– Кто я? Где нахожусь? И какой сейчас год?... Да, и чем я болен, почему спина болит? Отвечай!

Резкий окрик заставил ее отмереть, и старушка стала говорить. Продираясь через дебри ее деревенского говора, вот что я смог выяснить. Парнишке было десять лет. Пару лет назад умерла его мать, животом болела, возможно, аппендицит. Отца он потерял в раннем детстве, он с охоты не вернулся. Брат отца мальчишку забирать не стал, у самого десятков голодных ртов, так что отдали Михаила в услужение в барский дом, тут рядом поместье. Стал помощником конюха, где и служил два года. Зима в этом году лютая была, а когда немного спали морозы, хозяйский сын, большой любитель зимней рыбалки – это довольно редкая забава – решил порыбачить на реке. Ему пробили лунку, рядом челядь рыбачила, он тягал одну рыбу за другой, не чурался сам испачкать руки. И вот несчастье, руки скользкими стали от рыбы, и с пальца соскользнул перстенок, который был парню очень дорог. Подарок покойной матери (отец уже новую жену завел). Самому господскому сынку было пятнадцать, в гимназии не учился, учителя на дому обучали, и с психикой у него были проблемы. Срывы случались. В общем, Михаила, что там присутствовал, заставили нырять. Расширили лунку, тот разделся и нырял. Не то что перстень не нашел, до дна так и не достал. Течение уносило, но его вытягивали привязанной

веревкой. В общем, барчук впал в ярость и истегал Михаила. Всю спину исполосовал.

Парнишку не бросили. По пути заехали в дом лекарки и травницы местной, на окраине деревни ее избушка притулилась. Кортеж отправился дальше к усадьбе, а через четыре дня, парнишка с воспалением легких и ранениями на спине отходил. Старушка даже считала, что тот уже умер, а вернувшись, застала меня с открытыми глазами.

Какой год, старуха не знала, никогда не интересовалась. Деревушка, где она проживала, была небольшой, на два десятка дворов, промышляли охотой и рыболовством. Леса вокруг. Единственное, что старушка мне сообщила – в ста верстах стоял Омск.

– Ну хоть правит Россией кто? – спросил я и открыл рот – она деревянной ложкой кормила меня рыбным супом. Хлеб старушка набросала в глиняную тарелку с отбитым краем, чтобы размок, и кормила, вполне сытно. Меня, конечно, слегка подташнивало, но еда – это силы. Тем более добычу упускать я не хотел и как примерный ребенок насыщался тем, что дают.

– Как же не знать? – Она вытерла мой подбородок и продолжила кормить. – Александр-батюшка правит Россией с Божьей помощью.

– А какой Александр, Первый, Второй или Третий?

– Забавно, отрок, говоришь, мне ж откуда знать?

– А по батюшке его как?

– Александр Николаевич, помазанник Божий.

– Ага, Второй, значит. Если мне память не изменяет и я не зря учил историю в будущем, то время где-то между тысяча восемьсот пятидесятым и тысяча восемьсот восьмидесятым. Тридцать лет правления. Ясно.

Старушка особо не слушала меня – возможно, решила, что брежу. Закончила кормить и велела лечь на живот, начав осматривать спину. Сообщила, что воспаление начало спадать, хотя раны все еще красные и багровые. Советовать травнице я ничего не стал, я хирург, а не лекарь, да и дело свое та похоже знала неплохо, промыла раны еще горячей кипяченой водой, потом стала мазать каким-то средством, похожим на гудрон, но дегтем не пахло – возможно, смола с какими-то добавками. Было скучно, так что я интересовался местной жизнью, что происходит и как, заодно уточнил насчет своего статуса, чего мне ожидать.

– Так вылечишься и пойдешь в усадьбу. Ты холоп Некрасовский, им принадлежишь. Как и все мы, крепостные. Некрасовым два села и с десятков деревенок принадлежит, земель много, да больше все леса.

– Угу. Когда там крепостное право отменили? Черт, не помню. Но до семидесятых точно. Ладно, выясню еще.

Сказать честно, было откровенно скучно. Лежал я нагишом, ходить уже мог, на второй день начал вставать, в бадью ходил по естественным надобностям; теперь хоть избушку

проветрили, постельное постирали. Так шел день за днем, я постепенно восстанавливался. Уже сам вполне активно ходил, раны на спине заживали, всего семь следов от кнута. Били по голой коже, ничем не прикрытой после купания, так что неудивительно, что Михаил такие травмы получил. Как смог, я взял на себя готовку в доме и готовил так, что лекарка была в восторге. Ей приносили провизию, и вот из овощей, редкого мяса и рыбы я готовил разносолы. А то уж больно у той все просто, всего четыре вида блюд, которые она попеременно готовила, а тут я за три недели три десятка разных выдал. Даже пару салатиков. Тут рядом тропа из Китая проходила, поэтому неудивительно, что у деревенских рис и специи встречались. Готовил плов.

Когда смог выходить во двор, чистил тропинки деревянной лопатой, двор очистил. Когда снег выпадал, повторял процедуру, больно мышцам на спине было, растягивались, но я работал, чтобы разработать их. Одежда Михаила была тут же. Ее оставили. Это исподнее, кальсоны и рубаха. Утепленные. Потом штаны и что-то вроде унтов или онучей, не разбираюсь, но теплые, как валенки. Парень носил портянки, носков не было. Потом рубаха, жилетка из овечьей шкуры и тулуп. Треух. Веревка вместо ремня. Одежда справная, видно, что помещик для своих работников не скупился, деревенские куда как беднее одеты были. Я видел. К старухе часто больные прибывали, даже из других деревень, она их осматривала, ставила диагноз и выдавала лечение, получая

оплату за свою работу. Это я так описал сухо, а в действительности мне за этим театром наблюдать каждый раз было в одно только удовольствие. Больные, особенно женщины, причитая, описывали свои болячки и проблемы, лекарка, слушая и тоже причитая, успокаивала их, обдумывала, чем лечить, выдавала снадобье, если имелось, и выпроваживала. Тратила на одну пациентку от часа до двух. Мне вообще кажется, что некоторые из женщин приходили просто поболтать, узнать свежие новости, свои рассказать. За три недели в избушке побывало три десятка пациентов. Если какие болезни в интимной сфере, то меня выгоняли на улицу. Вон лопата, чисти двор.

Память Михаила не проявилась, сверхспособности тоже. У старосты деревни было зеркало, обломок, довольно дорогое имущество. Я с помощью него смог себя осмотреть, лекарка попросила зеркало до вечера. Ничего так, симпатичный, пшеничные волосы, постриженные в модельную стрижку «горшок». Зеленые глаза, вполне правильное лицо с красивым носом. Не как у местных, картошкой. А не затесался ли кто в крови парнишки из дворян? Подбородок массивный, с ямочкой в центре. В общем, эталон мужественного красивого лица. Тело крепкое, видно, что работой часто нагружали.

В данный момент, одетый в свои одежды, я тянул от реки санки с тремя полными ведрами – хозяйка попросила запасы воды пополнить, вот и выполнял. Там прорубь пробита,

черпаешь деревянным черпаком, сливаешь в ведра и доставляешь. Мне с коромыслом лень было ходить – что я, баба? И вот так, буксируя санки, стараясь не рывком, иначе вода выплеснется, а мне еще две ходки делать, я заметил, как со спины, по единственной улице деревни, от реки несется карета, поставленная на санный ход. А перед ней трое верховых. Так что я поспешил сойти с тропинки, в сугроб, и дать дорогу. Только все равно один из верховых попытался достать меня кнутом, но я ушел от удара. Половину воды выплеснул. И чего лекарка не у реки, а у леса на опушке живет? Через всю деревню ходить приходилось. А карета, доехав до домика лекарки, остановилась, один из верховых уже стучал в дверь, громким голосом зовя хозяйку. Вернувшись на тропинку и гадая, кто это может быть – дворяне какие-то или помещики, – я стал буксировать санки дальше. Дойдя до подворья, обошел карету (там кучер коней обихаживал), затащил санки и, сняв ведра, направился к сеням. Нужно в бадейку в доме слить. Тут после всех приключений воды на одно полное ведро наберется, если по всем трем посчитать.

Я видел, подходя, как из кареты достали маленькое тельце. Кажется, даже детское, и занесли в избу. Слышалось бормотание лекарки, и мне сильно не понравилось беспокойство в ее голосе. Похоже, дело худо.

– Посторонись, – велел я и, пройдя к печи, слил ведро в бадью, после чего поставил его на лавку и осмотрелся.

В избе у дверей стояли трое верховых, судя по всему слу-

живые, в форме, при саблях и ружьях, хорошо одеты. На кровати, где я спал, да и сейчас сплю (хозяйка на печи, там ложе занавеской скрыто), лежала девочка лет десяти, видимо дворянка, волосы светлые разметались по валику подушки. В ее ногах сидел мужчина, тоже в форме и при сабле. Но кто он, я без понятия: когда я в царской России жил, такую одежду уже не носили. Я заметил, что девочка лежала на боку, поджав колени. Лицо бледное, в капельках пота. Верхнюю одежду с нее уже сняли, вон она на вешалке. Но я и так скажу что с ней, с первого взгляда.

– Можно? – спросил я у отца ребенка – об этом было нетрудно догадаться, сходство, как говорится, налицо.

Лекарка, которая тоже поняла, что дело плохо, отступила, кивнув. Отец девочки меня изучил взглядом и тоже кивнул. Быстро сняв треух и тулуп, бросив на лавку, я потер ладони друг о друга, согревая руки, и, присев у кровати, сказал:

– И кто это у нас тут лежит? Кто этот белокурый ангел? Как такая красавица оказалась в наших диких местах?..

Так задавая вопросы специально подобранным чарующим голосом, я оттянул веко, осмотрев зрачок, осмотрел язык, посчитал пульс, крайне осторожно пропальпировал живот, спрашивая, где больно. Да, последние сомнения отпали: воспаление аппендикса в тяжелой форме. Девочка, по сути, не жилец. Встав, ласковыми словами успокаивая девочку, я посмотрел на ее отца и молча кивнул на дверь. С девочкой осталась хозяйка, а мы вышли во двор. Я накинул тулуп и шапку

прихватить не забыл.

– Часа четыре проживет, не больше. Воспаление кишки у нее, как лопнет, так от болей в животе вскоре и помрет, – стараясь говорить понятным языком, без медицинских терминов, сообщил я отцу. – Это лечится, и довольно легко. Хирургическим путем. То есть разрезается живот, удаляется кишка, ушивается. Накладывается шов. Тут есть только несколько моментов. Привезли поздно. Даже сейчас можно спасти, но нет хирургических инструментов и обезболивающего. Это или эфир, или наркотики. Возможно, знаете, белый порошок, от которого люди становятся безумными или счастливыми.

– А опиум подойдет? – вдруг спросил отец девочки. – Мы недавно конфисковали. Китайский.

– В принципе, да, только я дозировки не знаю. Если есть, то думаю, справлюсь и без хирургических инструментов, потребуется пара острых ножей, иглолка с ниткой и довольно много спирта или другого алкоголя. У вас есть шовный материал, то, чем раны зашиваете?

– У меня есть, – сообщил один из всадников.

– Несите все, – велел я ему, после чего обратился к отцу ребенка: – А вы подумайте, дадите шанс своей дочери или нет. Она слаба, и в результатах я не уверен, привезли бы вы ее два дня назад... В общем, думайте, я тоже рискую, соглашаясь на операцию.

– Если это единственный шанс, то я согласен. Парень, спа-

си мою дочь, за это сможешь просить что угодно.

– Тогда вольную, я тут вроде как крепостным числюсь.

– Крепостное право отменили много лет назад, – в удивлении приподнял тот левую бровь.

– Только местным крестьянам об этом сообщить забыли.

Кстати, какой сейчас год?

– Тысяча восемьсот семьдесят седьмой, декабрь, семнадцатое. А крепостное право отменили в шестьдесят первом.

Тут один из всадников от кареты принес ларец, открыв его прямо во дворе на снегу, я рассмотрел в нескольких отделениях вещество коричневого цвета, слегка липкое. Честно сказать, дозировок я не знаю, поэтому уточнил у отца девочки, может, он знает. Тот не совсем уверенно сказал о щепотке. Дальше я стал раздавать указания. Пока отец девочки сидел рядом с ней, успокаивал, хозяйка дома два котла воды кипятила, двое всадников с ведрами к реке за водой бегали, третий скоблил ножом обеденный стол, который вынесли на середину комнаты и окатили кипятком. Я осмотрел кривую иглу, шовный материал – нить из бычьих кишок, все вымочил в спирте; два очень острых ножа, что будут заменять скальпели, тоже хорошенько отмыл. Руки отмывал, рядом один из всадников занимался тем же. Он будет мне ассистировать. Наконец я дал прожевать щепотку опиума девочке, взял поменьше, все же она весила меньше, чем взрослый человек, и когда та начала засыпать, мы перенесли ее на стол, застеленный чистой простыней. Лекарка ее раздела,

полотенцами закрыли грудь и бедра, дальше мы подошли с ассистентом, отец девочки сидел на табурете, держал кисть руки и по своим карманным часам считал пульс. Тот перестал частить, замедлялся. Убедившись, что девочка уснула и не реагирует, я стал делать первый разрез. Вообще, несмотря на кажущуюся простоту операции, все это для меня было довольно тяжело. Мне действительно было жаль девочку, ведь она была на пороге смерти. Но я желал вылечить ее, поэтому и рискнул. Про вольную я так сболтнул, меня она не интересовала: через неделю я собирался покинуть дом лекарки и уйти лесами к Омску.

Операция прошла вполне неплохо, правда, под конец, когда я зашивал разрез, больная застонала, зашевелилась, пришлось ускорить накладывание шва. Обтер рану тряпицей, смоченной самогоном, наложил повязку, и девочку перенесли на койку. Там завернули в медвежью шкуру и понесли из дома наружу. Потом положили в карету и повезли в дом местного старосты, он большой, там ей лучшую кровать выделили. Пока шла операция, служаки оббежали деревню, выбрали дом и встали там на постой. Я уже сообщил, что если операция пройдет благополучно, то девочка тут задержится минимум на десять дней, пока не сможет выдержать дорогу, а лучше больше.

Я хотел помочь лекарке прибраться в доме, но та замахала руками. Сама справится, да и позвала на помощь одну из со-

седок. А меня взяли под руки и посадили рядом с девочкой. Я взял у ее отца часы и отслеживал пульс. Частит. А вообще по краю прошли, я под конец думал, не переживет девочка операцию, но та крепкой оказалась, выдержала. Теперь осталось уповать на ее организм. Когда я доставал кишку из живота, та лопнула прямо у меня в руках, забрызгав одежду и пол, хорошо, что не над раной. Отец девочки и мой ассистент были изрядно впечатлены. Я же отмыл руки в корыте, куда слили две бутылки самогона, и продолжил операцию, ушивая. Лекарка, что суежилась рядом, успела все отмыть. А мы с ассистентом были в косынках, чистые тряпицы закрывали волосы и нижнюю часть лица вроде масок. Я опасался грязи, что могла попасть в рану.

Сейчас, в одном исподнем сидя у кровати девочки (одежду я отдал хозяйке дома постирать, все же забрызгало ее, чуть позже мне хозяин принес штаны сына и рубаху), я размышлял, что из всего этого выйдет. Но то, что бежать придется скоро, я понимал. Слишком заинтересованный взгляд был у отца девочки. Не похож я на крестьянина, тут за плечами несколько университетов маячили. Да я особо и не скрывался.

А через четыре часа после окончания операции – меня как раз покормили рисовой кашей на молоке – девочка очнулась. Пока взгляд расфокусирован, но я был рад тому, что та пришла в себя. Пусть застонала от боли, руку на повязку положила, но главное в себя пришла. Когда она смогла отве-

чать на вопросы – боль в брюшине потихоньку стихала, оставаясь ноющей, – я опросил ее, после чего сам напоил. Отец девочки, что присутствовал в комнате, внимательно за всем наблюдал. Велев девочке спать, я сказал отцу:

– Пока прогноз хороший, думаю, все будет отлично. Держите, – протянул я ему часы.

– Оставь себе, считай подарком за спасение девочки. И вот еще десять рублей.

Смущаться я не стал, взял золотую монету царской чеканки и убрал за пояс – карманов у штанов и рубахи не было. Дальше пришлось ждать, меня от кровати не отпускали. Хозяйке дома я сообщил, что девочке можно кушать. Осталось ждать, когда больная снова очнется. Я проверял температуру – лоб горячий, но пока терпимо – и дремал на табуретке рядом. Девочка проснулась под утро, уже светало. Я ее опросил, потом уступил место отцу девочки, который сам покормил ее с ложки пшенной кашей и дал напиток чая. После этого еще один осмотр и опрос, после чего я сказал девочке:

– Ну что ж, нужно вставать.

На меня удивленно посмотрела не только девочка, но и ее отец.

– Разве ей можно?

– Нужно.

Я лег на пол и показал, как нужно вставать, обучил наглядно, потом помог. Она поднялась, постояла – голова кружилась – и начала ходить от стены к стене. Сделала так десять

заходов и легла. И вот так следующие восемь дней и прошли. Анна, так звали девочку, быстро восстанавливалась, вчера я снял швы. Сегодня утром отец девочки собрался и куда-то укатил, только одного подчиненного оставил. Я так подозреваю, к местному помещику поехал. Я подумывал сбежать, но сторож, что охранял девочку, присматривал и за мной, шагу без присмотра не сделать. А к обеду офицер вернулся и протянул мне бумагу.

– Это вольная, твой паспорт. Теперь ты свободный человек, Михаил. Я держу свое слово.

– Благодарю.

Взяв бумагу, изучил, что написано на пергаменте: действительно вольная, с подписью и печатью помещика. Печать нечеткая, небольшая, подозреваю, оттиск сделан перстнем. Я аккуратно её сложил и убрал за пазуху. Анна уже окрепла, и я решил, что дорогу выдержит, так что мы стали собираться, отец Анны попросил сопровождать их до Омска, куда они направлялись. Я уже был в курсе, кем он был. Да и тот знал, что я сирота, и думаю, догадался что задерживаться тут я не планировал. Отец Анны был ротмистром корпуса жандармов, командовал управлением в Омске. У него тут неподалеку было поместье, куда он заглянул по пути в город, возвращаясь из служебной поездки с четырьмя подчиненными. В поместье отдыхала супруга с тремя детьми, а после приезда отца старшей дочери стало плохо, вот он ее в охапку и рванул в Омск, к местным врачам. А когда ей совсем по-

плохело, кучер и предложил заехать к деревенской лекарке, он из этих краев был. Пребывавший в отчаянии отец тоже понимал, что та угасает, согласился. Да и мое предложение всколыхнуло у него надежду, ведь утопающий хватается за соломинку, поэтому я и получил добро на проведение операции.

А мы еще на два дня задержались в деревне, после чего, собравшись (подчиненные офицера в соседней избе настой встали), покатали по льду реки в сторону Омска. Снегопад недавно прекратился, так что дорога мягко стелилась под полозьями кареты. С лекаркой я попрощался, обнял ее на прощанье и поблагодарил за свое спасение. Ту золотую монету, что при мне была, я вручил опешившей травнице, сказав, что моя жизнь стоит дороже, а это все, что есть. И отказался забирать обратно. Пусть корову себе купит, а то совсем живности нет, кроме кота и собаки.

Дорога стелилась под полозьями кареты, двое всадников скакали впереди, один сопровождал карету. Я заметил, что солдаты приготовили оружие, все держали под рукой. Анна полулежала на одной скамье, где была брошена шкура, а мы с ее отцом сидели напротив. Дорога до Омска, несмотря на дальность в сто верст, заняла три дня. Ночевали мы в деревеньках, в одной даже постоянный двор был. Правда, я его сразу зачурал – клопы, поэтому ночевали в избе, где было чисто. На всю деревню всего пара домов, где не было клопов: эта живность в России настоящее бедствие.

Мы въехали в город в час дня. У ротмистра Сомина в городе был небольшой кирпичный дом. Отец девочки попросил меня присмотреть здесь за Анной несколько дней, и я согласился. Пока осмотрюсь в городе, будет стол и пища. Так что Анна отправилась к себе в комнату, у нее своя спальня была, а мне выделили место среди дворни. Они на лавках спали. Вещей у меня не было, только одежда и часы, вот и все имущество, так что, раздевшись, я проверил, как девочка. Та устала с дороги, но в порядке. Узнал, что дворня баньку затопила, стал готовиться к помывке – после дороги милое дело. Да и одежду в стирку отдал. А горничная протирала девочку влажными тряпицами. Баню я пока запретил.

Вот только взгляды ротмистра... Уж очень они мне не нравились, и правильно не нравились. И на следующий день я сбежал, случайно подслушав один разговор между ротмистром и одним из его подчиненных, поручиком. Причина в уходе была. Утром врач приходил, осматривал Анну, это без меня было, о чем-то тот долго общался с ротмистром, после чего отбыл. Я лишь мельком врача видел, но у того очень задумчивый и заинтересованный вид был. А вот после обеда я отправился к Анне и услышал обрывок разговора. Подкрался к двери кабинета хозяина дома и услышал, как тот поручику описывал много странностей во мне. А тот по долгу службы мимо подобного феномена пройти просто не мог. Меня насторожили такие слова, как «допрос» и «отвезти в столицу».

К черту все! Анна на поправку идет, так что мое присутствие не требуется. Выйти через парадный вход я не мог, там дворник сторожит, ему велено меня не выпускать. Так я вышел через черный ход, все мое при мне, перемахнул через забор к соседям и вышел на улицу, быстрым шагом направившись прочь. Теперь на очереди добыча средств к существованию.

Я помнил про клады: кстати, Россия была впереди планеты всей по количеству находок, в районе Омска они тоже были, но более современные, их еще не заложили. Но имелось три клада, которые сейчас уже должны быть, однако долбить мерзлую землю мне было нечем. Да и зимой найти нужные ориентиры сложно. Так что я решил использовать проверенный способ. В одной из жизней, в тысяча девятьсот сорок одиннадцатом году, я добыл первичные средства, спровоцировав на нападение бандитов. Собирался поступить так же и тут. Раз один раз схема сработала, почему сейчас не сработать?

Приметив трактир, я прошел мимо. Вид слишком прилизанный, скорее для более почтенной публики, чем для местных отбросов. Найдя другой, ближе к окраине, тут пара заводов было, я зашел внутрь, осмотревшись, и, демонстративно достав серебряные часы ротмистра, посмотрел время. Громко хлопнув крышкой и убирая в карман часы, подошел к трактирщику, который общался с довольно большой компанией.

– Меня хозяин послал, спросить хочу, у вас сегодня мож-

но день рождения справить? Из купцов он.

– Сегодня нет, уже занято время.

– Ясно, извините.

Покинув трактир, я направился прочь. К сожалению, как я ни проверялся, никто за мной не шел. Пришлось искать другое злачное место. Тоже трактир. В этот раз сработало: двое встали и направились за мной. Тихое место я уже приметил, тут в сугроб оглоблю сломанную сунул, нашел ее на соседней улице, у забора валялась, свежая, снегом еще не припорошило. Когда я свернул в этот закуток между домами и стал возиться с завязками штанов, как будто по маленькой нужде захотел, те быстро приблизились. Тоже понимали, что место удобное для их работы. Оба достали ножи. Быстро присев, я встал уже вооруженный и ткнул острым концом в коленку одного из бандитов, обратным хватом по руке второго и, сделав обманный финт, заехал ему же по голове, а потом и первому, что сипел от боли, качаясь на одной ноге. Вырубил. Проверил пульс – он был, это хорошо, убивать их мне было не за что, они грабители, на убийц не похожи. Я подобных людей нутром чуял.

Присев, я сразу забрал ножи и стал обыскивать бесчувственные тела, не забыл по голенищам меховых сапог пройтись. У одного револьвер нашел, линейный русский «Смит-Вессон» образца тысяча восемьсот семьдесят второго года. Не самовзводный. Переломив, осмотрел пустой барабан, патронов в карманах тоже не было. Понятно, расстреляли и ис-

пользуют как пугач. Оружие не чищено, свежий нагар заметен. Убрав револьвер за ремень, я продолжил поиски – мелочь, монеты (банкноты, как я знал, сейчас в России не в ходу), небольшой засапожный нож, отправившийся за голенище моих онучей. Бедные грабители, и взять с них нечего. Три ножа, револьвер без патронов, в двух кошельках монетами набралось где-то десять рублей, сумма для России довольно приличная, корову можно купить. Початый коробок спичек у одного. У него же мешочек махорки и трубка. Последнюю оставил, а спички с табаком взял. Больше ничего не было. Оставив грабителей лежать, все равно скоро придут в себя, я покинул этот закуток и направился к рынку. Где он находится, мне было известно, еще вчера узнал у дворни Сомина, а когда готовился к добыче средств, мимо проходил. Шел быстро, но не бегом: бегущие привлекают внимание. Было три часа дня, когда я оказался на территории довольно большого рынка. Тут торговали лавочники и немало крестьян из окрестных сел.

Быстро осмотревшись, я вышел с территории рынка и прошел к цирюльне. Очередь небольшая была, я ее отстоял и занял лавку. Мастер спросил:

– Как стричь?

Пока я ожидал своей очереди, то успел посмотреть, как цирюльник работал, качественно и уровень стрижек высокий, было из чего выбирать, поэтому ответил:

– Как того господина в красной куртке.

– Хорошо.

Дальше защелкали ножницы. Стрижка длилась довольно долго, куча волос вокруг лавки росла. Заказал я типичный полубокс или нечто похожее. Когда цирюльник закончил, я посмотрелся в зеркало и, оставшись довольным работой, заплатил – стрижка стоила две копейки, но я дал три, поблагодарив за работу. Цирюльня была не из дешевых. Поправив шапку – непривычно, такая копна волос была, а тут на глаза падать перестала – я вернулся на рынок. Первым делом я продал оба ножа, те мне не понравились, пустой кошель, мешочек с махоркой. За все смог получить тридцать шесть копеек.

Теперь покупки. Приобрел новенький, отлично сшитый заплечный вещмешок. Нашел и приобрел небольшой топорик, охотничий нож с ножнами, моток веревки в десять метров длиной, лыжи охотничьи. Присмотрев, купил кусок брезента или что-то наподобное, размером четыре на четыре, как палатку можно будет использовать, материя очень плотная. Купил вязанные перчатки, и также запасные портянки, облезлую волчью шкуру и одеяло. Из посуды минимум, трехлитровый котелок взял, большую кружку вместо чайника, ложку с вилкой, столовый нож и глубокую жестяную тарелку. Из утвари все. Из припасов взял соли мешочек, заварки немного, кило сухарей, десять головок лука, риса два килограмма, гречки тоже два и четыре гороха. Тут вяленое мясо продавали, купил его полкило и двухкилограммовый

шмат соленого сала. Деньги быстро уходили, но я приобрел охотничьи санки, на которых можно перевозить разный груз. Приметил острогу без черенка, купил. На этом все. Вещмешок за спину, а лыжи, шкуру со скаткой одеяла, тук брезента и топорик на санки убрал, связал все веревкой, чтобы не выпало, санки буксировал веревкой, что привязал к поясу – так руки свободны. У меня осталось рубль и шестнадцать копеек. Вроде как энзэ, но было куда потратить. Дойдя до одного из магазинов, санки я с собой затащил в помещение и, пройдя к приказчику, сказал:

– Меня хозяин послал, велел патроны купить к русскому револьверу.

– Продаются патроны в пачках, двадцать пять патронов и пятьдесят.

– Двадцать пять, сколько стоит будут?

– Рубль.

Передав монеты, я получил бумажную пачку. Осмотрел сверкающие тупоносые патроны – то что нужно, патроны именно те, – я убрал их в кошель, а последний за пазуху. После этого забрав санки, направился к выходу из города. Уже темнеть начало, когда добрался. Там снял лыжи с санок, надел, осмотрелся и двинул прямо по заснеженному полю в сторону леса. К дорогам я не выходил, мало ли, вдруг там посты есть. На лыжах было хорошо идти – широкие, не проваливались. Добравшись до опушки, я зашел в лес, там достал из-за пазухи кошель и револьвер и, вскрыв пачку, снарядил

оружие. Все шесть цилиндриков уместились в гнездах барабана. Заряженное оружие убрал обратно, патроны высыпал в кошель к редким монетам и направился дальше, внимательно поглядывая по сторонам. Вечер, но белый снег давал такую подсветку, что было все хорошо видно.

Углубился я на километр, когда вышел на лесную заснеженную дорогу с хорошо накатанным санным следом. Пройдя дорогу, прошел еще метров четыреста, наткнувшись на ельник, и стал разбивать лагерь. Нарубил лапника, развел костер, спички были в тему, хотя чую, надолго их не хватит, четыре спички использовал, чтобы разжечь наструганные лучины. Над лапником растянул на палках брезент, прижав края кусками снега. Я воткнул срубленные топориком палки, закрепив на них поперечную, вот и получилась основа для палатки. Размера плотной материи хватило и на стенки, и на вход, то есть, если пурга начнется, внутрь не заметет. Над костром повесил набитый снегом котелок, тут же поставил и кружку. Есть уже хотелось, времени восемь вечера, так что я стал готовить супчик. Настрогал немного мяса, сала, бросив в кипящую воду, слегка посолил, добавив немного пряных специй, потом через десять минут добавил лук, он промерз, но почистить и нарезать его я смог, и высыпал пшенной крупы. Пока похлебка доходила, я достал три сухаря, заправил кипящую в кружке воду заваркой, сняв с огня, ну и прямо из котелка стал есть, тарелку не доставал. Макал сухари в суп, давая размокнуть, и так ел. Полкотелка,

почти литр съел, попил чаю и стал готовится ко сну. Котелок с оставшимся супом убрал в палатку, в сторонку, чтобы не перевернуть во сне – утром разогрею, – все вещи тоже в палатку, санки у входа. Устроившись на волчьей шкуре, которую настелил на лапник, накрылся одеялом и вскоре уснул.

К утру я замерз, отчего и проснулся. Однако не обморозился, хотя снаружи, на мой взгляд, было где-то минус десять, ближе к пятнадцати. Выбравшись наружу, побегав по пятаку, высоко задирая ноги, сделал зарядку, чтобы разогреться, а то руки трясутся, использовал две спички, но костер разжег, повесил котелок, чтобы суп разморозить, кружку тоже снегом набил и поставил, подкинул дровишек и стал собираться. Свернул тук брезента, все скатал и убрал на санки. Только вещмешок стоял раскрытым, я в него планировал убрать котелок да ложку с кружкой. Когда суп стал булькать, заварил чаю и, поев горячей пищи, от которой разморило, отогрелся. Суп я доел, да и на чай места хватило, посуду оттер снегом и, протерев запасной портянкой, убрал в вещмешок. Все закрепил, мешок повесил за спину, надел лыжи и, буксируя санки с поклажей, отправился дальше прочь от Омска. Ночевал я километрах в пяти от него, не дальше.

Двигаясь по лесу, я поглядывал на деревья, мне нужно найти ровную крепкую ветку для остроги, вещь нужная, тем более та не только как оборонительное оружие, но и для рыбалки сгодится. Прорублю лунку, буду ждать и гарпунить рыбу. Ничего другого для охоты у меня не было. Револьвер –

это так, отбиться от неприятностей. Найти нужный материал вскоре удалось, срубил, ошкулив, и закрепил острие. Попробовал, доработал рукоятку ножом, чтобы хорошо лежала в руке, и, держа в руках острогу, двинулся дальше.

А направление я держал в сторону Черного моря. Нужно преодолеть почти три тысячи километров, может даже чуть больше. Надеюсь, дойду к лету. Я особо не торопился. Острогу удалось испробовать только через неделю. Два дня шел и питался купленными припасами, потом три дня в палатке пережидал пургу и, как рассвело и стихло, направился дальше. Вышел к реке, чему обрадовался, запасы провизии к концу подходили, прорубил лунку и стал ожидать. Уже через десять минут показалась спина рыбины: выплыла подышать. Быстрый удар, и бьющаяся на остроге форель отлетает в сторону, падая на лед. Я семь штук набил, сразу очищая и разделявая. Рыба замерзла, и теперь ее можно долго хранить. Вот так пополнив запасы, я на рыбе прожил еще две недели, пока окончательно не закончилась крупа. Как ни экономил, а все же опустели запасы. До наступления темноты часа три оставалось, так что, выйдя на дорогу, я по санному следу дошел до опушки и направился дальше.

Деревенька, что дымила трубами, была похожа на сказочную картинку. Дойдя до окраины, где меня встретили несколько детишек, узнал, у кого провизии можно купить. Лавок тут нет, отправили к старосте, тот всех гостей встречал и опрашивал. Сказал ему, что из Омска иду, показал бу-

магу, что вольный, имею подобие паспорта. Именно у него и купил припасы, потратив последние шестнадцать копеек. Тут денег почти не видели, все меновой торговлей получали. Так что то, что хотел, я получил легко: соль, овощи (того, что они поморозятся, я не опасался), десять кило дробленой пшеничной крупы, три кило гороха и пять пшеничной муки. Этого мне надолго хватит.

От старосты я узнал, что завтра в дальнее село, почти сотня верст, к родственникам отправляется один из местных, вот я и сговорился, чтобы тот меня подвез, это практически по пути было. Нормально, два дня ехали, переночевав в деревеньке, а дальше я снова своим ходом. Когда по местным дорогам, но чаще на лыжах шел. Дважды с попутными обозами время сокращал и так в конце февраля дошел до Оренбурга. Кстати, когда с рассветом входил в город, буксируя свои санки, то слышал свистки и гудки паровозов. Оказалось, в городе уже железная дорога была.

Я специально переночевал за пределами города. Платить за постой мне было нечем, а все, что удавалось заработать в пути, тратил на закупку продовольствия и припасов. Кресало с кремнем купил, чтобы огонь разжигать, спички-то давно закончились. В Оренбурге я планировал повесить свое материальное положение. Добыть средства, приобрести пару коней и двигаться дальше верхом, что заметно увеличит скорость. Оружие нужно, хотя бы охотничье. Пару раз револьвер мне пригодился, но стрелял в воздух, отпутивая разную

хищную живность, и все. Двигался я по диким местам и людей встречал редко, лишь когда выходил к населенным пунктам, где покупал припасы, но обычно обменивал на добытую рыбу или мясо. Пару раз кабанов брал острогой. Точнее, кабанчиков. Сейчас же, двигаясь и поглядывая вокруг, осмотрел себя. Да уж, походная жизнь заметно сказалась: одежду нужно менять, истрепалась, есть дыры от угольков, почернела от дыма. В общем, я смахивал на дикаря.

Добравшись до местного рынка, осмотрелся у входа и направился к местным скупщикам. Они скупают все, что предложишь, хотя и цену дают небольшую. Вот местному скупщику я и предложил выкупить одну находку, что я сделал километрах в сорока от города. Я там павшую лошадь нашел, верхового коня, всадника как ни искал, так и не обнаружил, но снять седло с пустыми чересседельными сумками смог, вот и привез на рынок. Внимательно осмотрев седло и сумки, скупщик пожевал губами и предложил рубль. Торговались мы долго, но остановились на двух с полтиной. Поискав, я смог снять жилье в небольшом домике, где проживала старушка – без кормежки, только ночевать. Оставив там все вещи, я вернулся на рынок, там купил неплохое пальто, было не так и холодно, штаны, отличную шапку. На сапоги денег не хватило. Переоделся, продав свою верхнюю одежду, копейки выручил и дальше, прогуливаясь по трактирам и засвечивая часы, искал возможность подзаработать. То есть работал по старой вполне работающей схеме: провоцировал

бандитов, считая все взятое с них своими трофеями. Трижды удалось взять трофеи с разных групп, держа их под прицелом револьвера. Потом ставил на колени и вырубал ударами по затылку. Но не убивал, а вот четвертую группу, от нее так и несло могильным холодом, не только на прицел взял, а связал главаря и убил остальных. А у главаря, попытав, выяснил, где схрон. Навестил этот схрон тут же, в городе, и забрал все. Теперь у меня на руках почти две тысячи рублей золотыми и серебряными монетами. Хорошие запасы.

На рынок возвращаться я не стал, поужинал в трактире и, добравшись до места постоя, вскоре уснул. Одежду нужно менять, она засвечена, завтра с утра это сделаю, закуплю все, что нужно, и отправлюсь в Крым. Я еще раздумывал, обустроиться ли там, или, купив парусное судно, отправиться путешествовать по морям. Я вообще морская душа, и мне последняя идея нравится.

А когда я уже почти заснул, в дверь замолотили кулаками, а возможно, и сапогами. Старушка побежала открывать, а я, достав револьвер из-под подушки, взвел курок, продолжая лежать на лавке, и направил ствол на вход. К моему удивлению, это оказались не бандиты, что меня могли выследить и прийти свести счеты, а трое жандармов – теперь уж их форму я знаю. Был офицер, поручик и двое унтеров. Поручик, пройдя в избу, при слабом огне лучины рассмотрел сверкнувший ствол револьвера, чуть помедлил и скомандовал подчиненным:

– Подождите меня снаружи.

Те, косясь на меня, вышли, прихватив хозяйку, а я, откинув одеяло, сел на лавке. Та широкая, вполне позволяла спать на боку. К сожалению, больше ночевать не на чем. Никаких кроватей или коек тут не было. Сама старушка на печи спала. Да и духан застарелого пота с дымом от костра от меня также шел. В последний раз мылся в бане почти три недели назад в одной из деревенок. Я планировал, купив новую походную одежду, посетить общественную баню, тут в городе она была, я узнавал, но запланировал это именно на завтра, так что встречал незваного гостя как есть. Привести себя в порядок я не успел.

– И чем же я заслужил такое внимание от вашей службы?

Честно сказать, меня это до сих пор интересовало. В то, что меня ищут по всей России, я не верил. Думаю, ротмистр Сомин в Омске поискал, не нашел и махнул рукой. А вот события, что произошли сегодня, вполне укладывались в ситуацию. Все же три группы грабителей я отпустил живыми. Меня могли запомнить, да и наверняка запомнили. Странно только, что я наблюдал жандарма, а не полицейского. Может, кто из бандитов стучит им, выследил меня и слил своему куратору? Сейчас узнаем.

– Тебе известен такой офицер, как ротмистр Сомин? – присев у двери на лавку, спросил поручик.

– Черт.

– Значит, известен, – сделал тот правильный вывод. – Да

и описание сходится. Ты даже не представляешь, как я был удивлен, когда лично тебя увидел на улице. Сперва думал, что ошибся, но внешнее описание, одежда, все сходится. Проследил, как ты тут заселился, и вот навестил.

– Навестил и навестил. Что надо?

– Понятия не имею, в поисковом листе отмечено: найти и сообщить. Сообщить я успел. А как ты на место постоя вернулся, мне доложили.

– Арестовать себя я не дам, не вижу проблем положить вас, вы не бойцы, против меня ничто, уйду, ночь скроет.

– Хм, честно. Можешь не волноваться, об аресте и слова не идет. Просьба найти и попросить проследовать в столицу.

– Чего? – не понял я.

При этом сидя на лавке, я, дотянувшись до одежды, начал одеваться. Револьвер положил рядом – если что, схвачу его быстро. Я успел натянуть штаны и, намотав портянки, надеть обувь, а когда брал рубаху, жандарм сообщил такую новость:

– Я передал все, что было написано в поисковом листе. Ах да, еще просили быть вежливыми. Ты похож на сбежавшего дворянского сына, мы уже пари устроили, так это или нет. Я выиграл приз?

– Нет, – улыбнулся я. – Я крестьянский сын. Может, какой дворянин с кем из моих предков и крутил роман, но мне об этом неизвестно. Я сирота. Случайно встретился с рот-мистром Соминым, у него дочь умирала, меньше суток оставалось. Воспаление аппендикса. Если вам известно, что это

означает.

– Нет, не слышал никогда.

– Воспаление отростка кишки в животе. Когда та лопается и гной с грязью оказывается в животе, то человек умирает от жутких болей. Я учился на хирурга, провел девочке операцию, она ее пережила и высокими темпами восстанавливалась. Сомин смог получить паспорт на меня, я теперь вольный, он даже подарил мне часы. Врачу они нужны, часы на удивление точные. Потом я услышал, как ротмистр общался с подчиненным насчет меня, мне не понравилось услышанное. Я вольный, вот и ушел. Не думал, что тот меня искать будет. Что ему надо?

– Для десятилетнего мальчишки твоя речь слишком правильная, чувствуется высокое образование. Неудивительно, что Сомин тобой заинтересовался. Я бы тоже обратил на тебя внимание.

– Мы с ним десять дней в одной избе прожили, пока дочка его после операции отходила. Немало поговорили. У Сомина походные шахматы с собой были, играли. Я специалист по шашкам, но и в шахматах неплох. Пятьдесят на пятьдесят. То он выигрывал, то я. Но большинство ничья. Мы оказались игроками одного уровня. Хм, а может, фехтование его удивило? – задумался я, надев жилетку. Осталось пальто и шапку. Еще и вещи собрать.

– Фехтование?

– Ну да, скучно эти десять дней было, вот мы и размина-

лись во дворе. Я взял саблю у одного из урядников. Я хорошо фехтую, но плохо тренирован, так что победил он.

– Какие у тебя планы?

– А тебе зачем?

– Слушай, Михаил, тебе не кажется, что тыкать человеку, облеченному властью, офицеру, это неправильно?

– Нет, не кажется.

– Так какие у тебя планы? Судя по направлению движения, ты куда-то на юга идешь?

– Ага. Доберусь до черноморского побережья, куплю баркас и отправлюсь путешествовать.

– Знаешь морское дело?

– Знаю.

– Ты действительно интересен. Врач, моряк... Кто еще?

– Знаешь, есть такая детская поговорка: *будешь много знать, скоро состаришься*. Подумай над ее смыслом.

– У нас в одной из гостиниц номера есть, предлагаю тебе там переночевать, а как прибудет тот, кто тебя заберет, попрощаемся.

– Извини, поручик, для меня свобода дороже. Не терплю власти над собой, так что попрощаемся, я уйду, а вы сделаете вид, что меня не видели. Скажите, что обознались.

– Михаил, ты должен понимать, что мы не можем тебя упустить. Приказ поставлен довольно ясный. Силой действовать нельзя, хотя очень хочется, но, может, есть возможность тебя уговорить?

– Хм? – задумался я, закончив собирать вещи. Поручик все так же сидел у двери на небольшой лавке, положив ногу на ногу, и с интересом за мной наблюдал. – Да мне вроде ничего не нужно. А если что нет, сам добуду. Хотя-я-я...

– Что? – сразу спросил поручик, когда я взял паузу.

– Да вот хочу в казаки вступить, но не в служивые. Служить я могу только себе. Хватит начальников над головой, до сих пор спина дает о себе знать.

– Ты хочешь пройти посвящение в казаки?

– В точку. В Северной Америке буду пугать американцев своим видом, когда доберусь до тех мест.

– Я сам из казаков, могу организовать посвящение.

– Когда прибудет тот, кто меня забрать должен?

– Дней через десять.

– Добро, остаюсь. Идем к гостинице, про которую ты говорил. И хозяйку дома верни, наверное, уже замерзла на улице.

Собравшись, я покинул домик. Старушка шустро нырнула на печку, отогреваясь. На санях мы доехали до гостиницы. Там меня заселили, я узнал, что баня еще теплая, отдал всю одежду, кроме верхней, в стирку и отправился в баньку. Отлично помылся.

Сопровождающий прибыл через восемь дней, а не через десять. Это был уже хорошо знакомый мне ротмистр Со-мин. С ним двое унтеров. Сопровождал их поручик Адамов, тот самый что меня уговаривал остаться. Нашли они меня в станице в десяти километрах от Оренбурга, где я эти во-

семь дней и проживал в семье одного из местных казаков. Я уже купил себе двух коней, отличного вороного верхового и выючную каурую кобылку. Одет я в казачью одежду, так как прошел посвящение в казаки, с трудом, но прошел. Папаха на голове, на боку шашка, на ремне кобура с револьвером, в чехле справа у седла берданка второй модели, с другой стороны в оружейном чехле «Винчестер-1873». Семнадцатизарядное оружие. В данный момент под присмотром шести пожилых казаков, которые уже шесть дней как без продыху обучают меня, на скаку рубил лозу. Именно это и увидели прибывшие гости. Встретил я их без особого интереса. Ну, отправимся в Петербург, и что? Я и оттуда, если захочу, сбежать смогу.

Пока гости покидали сани, на которых приехали, оба унтера верхом были, я закончил упражнение и подскакал к учителям, узнать, какие будут замечания. Их хватало. Еще бы, я ранее никогда с седла не рубил, как-то другая сфера интересов была. И вообще, почему меня, летчика, отправили в такое далекое прошлое? Я тут не смогу использовать свои основные умения, летные. На втором месте морское дело. А посвящение прошел из-за своих исключительных умений послать пулю именно туда, куда хочу. С седла, при перебежках, перекатах, или стоя на месте. В этом селе, станице, как его называют, проживало почти две сотни казачьих семей и числилось три сотни казаков. Так вот, только двое были моего уровня стрелками, так что я показал класс. Вот на шаш-

ках я был ниже среднего, и меня все это время активно подтягивали до нужного уровня. Если доберусь до столицы, то обращусь к казакам, что там несут службу, старики обещали письмо написать.

Закончив выслушивать замечания, которые были вполне по делу, – я кивал, запоминая, – и держа коня под уздцы, направился к гостям.

– Здорово, Андрей Алексеевич. Как Анна?

– Ты почему сбежал? – с ходу в карьер спросил тот.

– Я человек свободный, что хочу, то и делаю, – нахмурившись, такой наезд мне не понравился, ответил я ему, тут же повторив прошлый вопрос: – Так как там Анна?

– Хорошо, а наши врачи паломничество устроили, все ходили, опрашивали, что и как делали. Мне сказали, что такие операции нигде не проводятся.

– Почему это? – искренне удивился я.

Я изучал в медицинском университете Буэнос-Айреса историю медицины и точно помню, что там говорилось о девятнадцатом веке, когда началась эра операций по этой болезни. Может, чуть позже начнется, лет через десять? Однако сейчас лезть в дебри истории медицины я не хотел, поэтому, пока ротмистр искал ответ на мой вопрос, сам спросил:

– Так чего вам от меня надо? Спасибо за Анну сказали, оплату я получил. Вроде долгов друг перед другом у нас нет.

– Нет, – согласился тот. – Я хотел тебе предложить работу. Ты говорил, что военно-полевой хирург...

– Это когда я такое говорил?! – возмутился я.

– Когда мы в карете в Омск ехали.

– Э-э-э... вроде что-то такое вспоминается. Но я уставший был, может и ляпнул.

– Так ты хирург?

– Да хирург, хирург. Так что надо? Ближе к телу. То есть ближе к делу.

– Мой отец, мы о нем говорили, пока ехали в карете к Омску...

– А-а-а, все, вспомнил. Пулевое ранение руки, не сгибается. Я что-то говорил про возможность восстановления руки. Ну да, было такое. Тут осмотр нужен, со слов я узнать степень повреждений не могу. А вот после осмотра точно скажу. Между прочим, тогда в карете я об этом тоже говорил. И что, меня искали по этому поводу?

– Именно так. Оплату за работу гарантирую.

– Хм, я не против. Вы купите мне медицинские инструменты, хирургические. Лучшие образцы. Это и станет оплатой.

– Договорились.

– Мне нужен час на сборы.

– Добро.

Попрощавшись со стариками, я доскакал до дома, где проживал, вывел из конюшни свою выючную и нагрузил ее вещами, у меня специальные кожаные сумки были для этого. Часть вещей на верховой вез. Попрощавшись со всеми, я до-

ехал до центра станицы, гости и казаки тут были. Снова прощаться пришлось, и дальше мы поскакали в город, а вечером этого же дня на пассажирском поезде отбыли в столицу. Оба моих коня находились в вагоне для перевозки лошадей. А вещи большей частью в багажном отсеке. Только оружие и личные вещи при мне. И да, от тех двух тысяч, что я взял с бандитов, осталось полторы – закупка снаряжения стоила немалых денег.

Так восемь дней мы до столицы и добирались, пока не сошли на перроне Санкт-Петербурга. Отец у ротмистра был генералом в отставке, по ранению в запас отправили, дом неплохой имел, туда меня отвели и заселили. Здесь помылся в корыте, душа в доме не было, а баню обещали к вечеру, а я до вечера грязным не хотел ходить. Мы утром прибыли. Вещи мои в комнате, лошади в конюшне, пока все идет как надо. Самого генерала дома не оказалось, у друга гостил в Петергофе, но вскоре, в ближайшие дни, должен быть.

– Как устроился? – постучавшись, поинтересовался Со-мин, проходя в мою комнату.

Я уже надел запасной комплект нательного белья, тот, в котором в дороге был, передал стирку прислуге, казачья форма тоже была в стирке, так что я и ходил в белом нательном белье. Халат, что ли, купить?

– Да неплохо, тепло и кровать есть, что еще казаку нужно?

– Думаешь, у нас в доме есть чего опасаться? – поинтере-

совался тот, кивнув на оружие. Шашка лежала на столе, револьвер рядом, обе винтовки прислонены к стене, и все заряжено, все готово.

– Я стараюсь все предусмотреть.

– У тебя есть запасной комплект одежды? Хочу представить тебя супруге и детям. Они со мной. Кстати, меня перевели в столичное управление. Уже месяц как дела принимаю.

– Поздравляю. А одежды запасной нет. Я быстро расту, нет смысла шить много, а казачья одежда крепкая, мне бы хватило, пока не подрасту.

– Хм, велю прислуге посмотреть в сундуках, должна моя детская одежда остаться. Сыну моему пять лет, его не подойдет.

– Хорошо.

Принесли мне детский матросский костюм, только его подобрать смогли. Мой размер. Одежду тоже уметь носить нужно, и я умел, так что зашел в обеденную залу. Время было час дня, в доме в это время обед, и за ним я был представлен семье ротмистра. Вел я себя как истинный аристократ, ни словом, ни движением не выдал, что крестьянин. Благо опыта было изрядно, в одной из жизней был дворянином, да еще был женат на княгине, хорошо в этих делах натренировался.

Супруга ротмистра с большим изумлением наблюдала за мной, пока шла процедура знакомства. Я поцеловал ручки ей и Анне, подмигнув той – все же мы уже знакомы, – с млад-

шими сыновьями познакомился, пяти и трех лет. Супруга ротмистра поблагодарила меня за дочь и дальше пригласила к столу. Двое слуг прислуживали во время обеда. Когда мы расселись, то семья Соминых помолилась, на что я смотрел с легким налетом заинтересованности.

– Ты христианин? – спросил Сомин.

– Атеист.

– Не веришь в Бога?

– Почему? Я знаю, что он существует. Только вот почему я должен верить в того, кому на меня плевать? Атеист, и точка.

– Почему ты думаешь, что ты не интересен Богу?

– Мы с ним общались. Точнее, с одним из его сыновей.

Надо сказать, общением я не впечатлен. Тот сделал не самое хорошее дело.

– Какое, позволь поинтересоваться?

– Думаю, нам все же стоит приступить к приему пищи. Как в поговорке говорится. Пока я ем, я глух и нем. Но я знаю продолжение. Пока я ем, я глух и нем, хитер, быстр и дьявольски умен.

– Последнее я не слышал, – улыбнулся ротмистр, и мы действительно приступили к обеду, дальше и до конца он проходил в молчании, тишину нарушали только легкий звон от ложек или просьбы что-то передать.

А после обеда мы прошли в курительную комнату, где ротмистр, устроившись в кресле у камина, где полыхал огонь, спросил у меня:

– Я уже отправил прислугу выяснить, где можно приобрести все, что тебе понадобится для лечения отца.

– Спешить не стоит. Пока я его не осмотрю, смысла покупать не вижу. Если локтевой сустав раздроблен и сросся в сплошную кость, мне там делать нечего. Описание вы, конечно, дали подробное, говорили, что несколько лет локоть пусть плохо, но сгибался, а потом совсем перестал. Это обнадеживает, но нужно посмотреть самому.

– Все же думаю, стоит присмотреться. Завтра посетим лавки и некоторые аптеки, отберете то, что нужно.

– Хорошо, уговорили.

На следующий день я успел час потренироваться до и после завтрака на заднем дворике с шашкой – постиранную форму мне вернули – и мы на санях, похожих на пролетку с матерчатым верхом, поскользили к лавкам и магазинам. Детей ротмистр не брал: Анна музицировала, а мальчишки со слугой были отправлены на снежные горки. Зима заканчивалась, вот они и пытались отхватить последние кусочки счастья.

Платил за все ротмистр, я выбрал большой кожаный саквояж со множеством отделений, специально для врачей, и пока мы катались по аптекам и лавкам, тот приобретал разные инструменты, на которые я указывал. Приобрели полный комплект, включая зажимы, иглы и шовный материал. Бутыль с хлороформом – он уже производился, но за грани-

цей, в аптеке было ограниченное количество. Еще пробир-ку с эфиром взял. Тюк марли, перевязочные средства, три вида мазей, которые я посчитал подходящими. Стекланный шприц с иглками, металлические боксы. Купить халат и шапочки с маской не представлялось возможным, их просто не было. Нужно самим шить. Мы приобрели хлопковую беленую ткань и передали швее, что нужно изготовить, я сообщил. Заехали к кожевнику, тот снял мерки и обещал за два дня сделать кожаный фартук. Я уже один раз портил одежду, во второй раз такого не допущу. А когда возвращались, я, заметив магазин музыкальных инструментов, попросил остановиться у него. Ротмистр не поленился, зашел следом, с интересом осматриваясь. Вокруг стоял непередаваемый аромат канифоли, лака и дерева. Я нашел неплохую шестиструнную гитару, опробовал ее и приобрел. Чехлов для гитар в наличии не было, но купил тройной комплект струн, тут они натуральные, из кишок.

Покинув магазин, мы уже покатили к дому Соминых. Успели снять одежду, я отправил покупки в свою комнату с прислугой, и мы присоединились к обеду. После него я отправился в свою комнату, а оттуда с саквояжем на кухню, на кухне прокипятит все инструменты. Провел санобработку. Помимо прочего, я купил кожаный несессер с германскими скальпелями разных размеров, потратив на него свои деньги. А также чехол, в котором были маникюрные ножницы, пилочка и настольное зеркальце. Руки нужно держать в чи-

стоте и ухаживать за ними.

Гитара с холода прогрелась, и лежа на кровати в исподнем (халат я так и не купил), я принялся наигрывать разные мелодии. Подумав, отложил гитару, оделся, повесил шашку на бок, револьвер скрыл за пазухой и, попросив у ротмистра сани, покатыл по магазинам. Я все же приобрел дорожный саквояж – его на лошади можно перевозить, – и в него сложил халат, домашние тапочки и легкую домашнюю одежду, в которой я мог ходить в своей комнате. У Соминых традиции соблюдались, выходить требовалось при полном параде.

Приобрел я также зубную щетку. Пришлось изрядно поискать, пока не нашел в одном из магазинов, французского производства, а в жестяной коробочке зубной порошок. Также посетил цирюльника – пора было постричься. Ну и, вернувшись и посетив баньку, переоделся в домашнюю одежду и стал разрабатывать пальцы, ожидая, когда наконец прибудет генерал. За ним послали гонца, но когда он еще подъедет, неизвестно.

Оказалось, он прибыл этим же днем, под вечер. Когда генерал привел себя в порядок после дороги, ротмистр сопровождал меня в кабинет к отцу, познакомил, но неофициально, дав понять, что я никто. Сухой старик с колючим взглядом мне с ходу не понравился. Знаете, есть такие моменты – увидел человека и понял, что тот антипатичен. Ну и причины, почему ротмистр так интересовался излечением, я рассмотрел. Одной руки у генерала не было, вторая не сгибается.

Теперь понятно, как тому тяжело живется и почему генерала сопровождает слуга, который и является генеральскими руками. В общем, я велел снять всю одежду, обнажить торс, и при свете двенадцати свечей стал осматривать пациента, не обращая внимания на множество шрамов на теле. Генералу, видать, немало повоевать пришлось. От него я узнал, что все это результат взорвавшегося ядра, он лишился руки, был тяжело ранен, еще и вторая рука подвижности лишилась. Попросив бумагу и карандаш, я стал изучать повреждения и зарисовывать плечевой и локтевой суставы старика, просил поднять или опустить руку, изучая работу мышц. Почти час проводил осмотр и зарисовки. Наконец ротмистр не выдержал и поинтересовался:

– Михаил, что скажешь?

– Да что он может сказать? – неожиданно вместо меня с желчью в тоне ответил генерал. – Лучшие иностранные врачи смотрели и сказали, что это неизлечимо. А ты привел какого-то мальчишку и думаешь, что тот справится!

– Вредный старикан, – сказал я и, не обратив внимание на шокированного моими словами генерала, ответил на вопрос ротмистра: – Работа сложная, но я уверен, что смогу восстановить подвижность руки. Только потребуется не одна операция, а три. Также часть мышц ослабла или даже атрофировалась, с потерей подвижности ими не пользовались. Придется долго разрабатывать руку. Я распишу комплекс упражнений. Нужно будет заниматься не менее трех раз в день.

– Когда первая операция? – деловым тоном поинтересовался ротмистр.

– Через два дня. Нужно время на подготовку.

– Я настаиваю на присутствии моего лечащего врача, – сказал генерал.

– Не хотелось бы присутствия постороннего, они имеют привычку лезть под руку с советами. Если вы дадите слово, что тот будет ассистировать и не мешать, то не возражаю, пусть будет.

Тут генерал взорвался, и я много что о себе выслушал. Ротмистр попытался остановить отца, но не смог, еще и ему досталось. Ну и под оскорбления (меня шарлатаном называли, это самое мягкое из сказанного) я покинул кабинет и направился в свою комнату. Сборы много времени не заняли, слуги помогли, так что, оседлав лошадей и не прощаясь, я покинул дом. Крики в кабинете хозяина дома до сих пор доносились. Из покупок я забрал гитару, походный набор скальпелей и средства ухода за руками. Остальное мне не принадлежало, ведь я не выполнил работу – генерал отказался от моих услуг. Да и плевать на него, каждый сам кузнец своего счастья

Я направился ко дворцу, там у казаков из охраны узнал, где те обретаются, и пошел туда. Меня не прогнали, накормили, ведь я не успел поужинать у Соминых. Моих лошадей поставили в общую конюшню, а меня уложили спать в казарме.

У казаков я задержался: мне было тут интересно, два месяца уже живу, подошла середина мая. На свои деньги, проехавшись, я собрал комплект хирургических инструментов, купил средства для наркоза, перевязочный материал. Ну и, тренируясь со всеми, а вечерами играя на гитаре, заодно пользовал некоторых казаков. Мне нужно иметь опыт, чтобы не потерять навык. Недавно вернулась сотня с турецкой войны, которая закончилась на днях, некоторые отходили после ранений, вот я им и помогал. Одному подвижность пальцев вернул, другому пуля кончик носа срезала, смотрелось жутко – так я смог провести пластическую операцию, уменьшил нос, срезая хрящ, ушил, и тот две недели с повязкой ходил. Потом ее убрали, а через месяц и швы исчезли. Этот случай принес мне широкую известность в узких казачьих кругах, и ко мне потянулись другие увечные.

Я не торопился покидать эти места. С момента, как ушел из дома Соминых, прошло немало времени, я ждал, когда сойдет лед, куплю судно и покину Россию, отправившись в кругосветку.

Сейчас ко мне подошел полный мужчина, такой живчик в костюме и котелке.

– Ты Михаил Кузнецов? – спросил он.

– Михаил Кузнецов – это я, – лениво ответил я, продолжая наблюдать, как два казака, в одних штанах и рубахах ведут бой на шашках: стальные полосы только и сверкали, прак-

тически не видные глазу. Мне о таком мастерстве остается только мечтать.

– Это ты рисовал?

Перед моим лицом появилась бумага с рисунком от руки. Мельком глянув на нее и рукой отодвигая в сторону, чтобы обзор не загромождала, я ответил:

– Моя. Зарисовка повреждений локтевого сустава генерала от инфантерии Сомина.

– Хорошая новость. Наконец-то я тебя нашел. Я лечащий врач генерала Сомина. Знаешь, месяц назад, когда тот со смехом описал тебя, называя шарлатаном, и показал твой рисунок, я был в изумлении. Это работа настоящего врача, большого специалиста по повреждениям. Я половину названий мышц в рисунке не знаю. Я смог убедить генерала в его ошибке и в том, что рисовал настоящий специалист, гений от медицины, а также в том, что если бы он провел эти операции, то рука была бы восстановлена. Его высокопревосходительство решил разрешить тебе провести операцию. Сын генерала был уверен, что ты отбыл к Черному морю.

– Ну и как вы меня нашли? – с той же ленцой поинтересовался я и напрягся, не сводя взгляда с казаков: один чуть другого не покалечил – шашки острые, боевое оружие.

– Случайно. Заинтересовался восстановлением подвижности пальцев одного казака. Мой знакомый, уважаемый столичный врач Елисей Агапович Агапов, который и оперировал после ранения того казака, мне об этом сообщил. Он

осмотрел казака и изумился, что была проведена настолько искусная операция. Скажу честно, я первая ласточка, скоро к тебе придут и другие врачи. Узнали бы и раньше, но казаки о тебе не говорили.

– Это я их попросил. А генералу передайте, что я его речь в кабинете помню, так что нет. Пусть и дальше живет инвалидом.

– Ты откажешь больному в лечении? А как же клятва?

– Я ее не давал, – ответил я, едва слышно прошептав: – По крайней мере, не в этой жизни.

Не слушая, что говорит неизвестный врач (тот так и не удосужился представиться, видимо, забыл), я отошел от толпы и направился к подъесаулу. Казаки не дали гостю пойти за мной, стеной встали.

– Не выполнили вы обещание, – сказал я подъесаулу. – Тихон, которому я пальцы вылечил, рассказал докторам в столице, кто его лечил. В общем, я ухожу.

Тот молча кивнул и отправил двух казаков помочь мне со сборами. Через час я уже покинул казармы, и мои лошади, разбрызгивая грязь из-под копыт, устремились в сторону Риги. Там судно куплю. Снег уже сошел, жаркое солнце просушить землю успело, но вчера был сильный ливень, и весенние ручьи звенели то тут, то там...

Неизвестное пространство. Неизвестное время

Очнувшись, я вздохнул, узнав знакомое ощущение бесте-

лесности. Последнее, что я помню, так это то, что, удалившись от казарм, устроился в деревне на постой. Тогда уже стемнело, и я лег спать. А очнулся уже тут.

– Да что опять?! Исследователь? Ау?

– Здесь я, Федор.

– Угу! Объясни мне, приближенный к Создателю, что это все было? Сам сказал, что благодарность, а тут что? Мне, между прочим, стало нравиться в том времени, да и тело устраивало. Даже полгода не прожил. Или ты меня вернешь в тело Михаила?

– Нет, извини, но чтобы пообщаться тут, нужно вырвать твою душу из тела. Не я установил эти правила. Я отправил тебя на сто лет в прошлое, вопреки твоему желанию. Признаю, это был сбой.

– Не скажу, что этот сбой меня сильно расстроил. Ладно, выкладывай, почему пообщаться захотел?

– Нужна твоя помощь. Я не могу влиять на миры и людей. Только на души. Ты был моим учебным материалом. Я молодой, получал опыт.

– Ближе к делу.

– Я совершил ошибку. Отправил в один из миров свой аватар, свою копию, и наблюдал за тем, как тот себя начал вести, вживаясь в местную жизнь. Мне это сильно не нравится: он убивает, происходят массовые жертвоприношения, и все это отдачей идет на изнанку мира. Мне больно... он вредит не только пространствам изнанки, но и мне. Нужно его

остановить.

– Убить?

– О нет, лишь отправить обратно. На самом деле это несложно, нужно лишь срубить ему голову, и аватар вернется ко мне.

– М-м-м, как-то неубедительно. Не знал, что приближенные к Создателю способны лгать. Может, другую версию придумаешь? Меня сложно назвать спасителем мира.

– Хм, хорошо, Федор, считай, подловил. Теперь правда. Одной из моих наложниц случайно попал в руки артефакт переселения душ. И она...

– Так, стой. Не знаю как, но я чувствую ложь. Ты опять мне лжешь.

– Я не лгу.

– Проверим. Почему ты каждый раз меня отправлял на Корейскую войну?

– Это случайность? – с вопросительными интонациями сказал тот.

– Ложь. И еще... твоя манера говорить, построение фраз при общении... Ты кто такой? Где Исследователь? Голос похож, но ты не он.

– Я... – Незвестный не договорил, и меня куда-то резко понесло.

Вспышки не было, не вырубил. Не знаю, сколько я висел в пространстве, но снова закрутило, потом замерло – непонятно, как я это чувствую в полной мгле, да еще без тела, –

и снова раздался голос:

– Здравствуй, Федор.

– Надеюсь, в этот раз я с настоящим Исследователем говорю?

– Теперь да. Одна из моих младших сестренек взяла артефакт перемещения душ и поиграла. Еще и в записи моих исследований залезла, где ты занимаешь первое место. Молодая, сто сорок лет всего, десять по вашим земным меркам. Просить прощения не буду, это ваша людская придумка, мы не просим, мы берем.

– Н-да, младшие сестрицы – они такие. После них хоть потоп.

– Я вижу, ты знаком с моей проблемой. У меня сестер двести двенадцать, а присматриваю за ними я. Пока в одном месте склоку успокаивал, другая поиграла в лаборатории в мое отсутствие.

– В тело Михаила меня уже не вернуть?

– Сестрица отправила твою душу в хранилище, прошло почти сто лет. Я не сразу обнаружил, где твоя душа. Для тебя эти годы как миг пролетели. Могу отправить в тело Михаила в другом параллельном мире. Или в Союз хочешь?

– Давайте Союз. В этот раз в сороковые годы. В парнишку, который при смерти. Не хочу лишать жизни детей – только те, что уходят за грань. Желательно с полностью здоровым телом.

– Утопленники? Хм, я тебя понял. Есть тут один из парал-

лельных миров, тысяча девятьсот сорок восьмой год, лето. История полностью повторяет историю твоего родного мира. Тебе понравится.

– Это наша последняя встреча?

– Возможно. После смерти твоя душа автоматически переместится в хранилище душ. Если вспомню о тебе, пообщаемся.

– Прощай, Исследователь.

– Прощай, Федор.

Дальше закрутило и завертело, после чего последовал удар с потерей сознания. Надеюсь, тело мне действительно достанется подходящее.

* * *

Задержавшись, я попытался всплыть, но что-то давящее на ноги не давало мне это сделать, вода хлынула в легкие и желудок. До поверхности полметра, вон, солнце светило, но всплыть я не мог, как ни работал руками, дергаясь и захлебываясь. Резко присев, я ощупал ноги – руки были связаны спереди, к ним было привязано что-то железное. На одной силе воли, сдерживая спазмы, я ухватился за корневища на дне и потянул тело ближе к берегу, к тени, где, как мне показалось, была крона дерева. Пару метров полз по поднимающемуся дну и встал – моя голова оказалась на поверхности. Вот тут мне действительно стало плохо: кашлял, выплевывал

воду, спазмы так и крутили тело. Чуть снова не захлебнулся. И тут услышал удивленный возглас на берегу, на таком знакомом западноукраинском суржике:

– Михась, ты глянь, москаль, которого мы утопили, выплыл... Не-е, не стреляй, шуметь нельзя. Ты штыком его, штыком.

– Бандеровцы, – прохрипел я и нырнул, уходя от удара штыка винтовки Мосина. Оpozнал ее боковым зрением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.